Р.
Библиотека кабинет В. И. Ленина №1894

Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 3. Лозанна. Іюнь 1915 № 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

Первое Мая.
Н. Гарри. Италія.
Александръ Ге. Соціалистическое Грѣхопаденіе и Возрожденіе Рабочаго Интернаціонала.
Рощинъ. Уроки войны.
К. Оргіани. Страницы изъ исторіи всеобщей стачки.
Оводъ. Жанна д'Аркъ Третьей Республики.
Александръ Ге. О синдикализмѣ.
Рабочій Альфа. Замѣтки.
А—ша Ц—кій. Конференція англійскихъ анархистовъ.
Х. Письмо изъ Россіи.
Н. А—чъ. Письмо изъ Америки.
Письмо въ Редакцію.
Революція лондонскихъ товарищей.
Почтовый ящикъ.
Кассовые отчеты.
Отъ Издательской Группы.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Соціалистическая лѣтопись умышленно относитъ дату первоначальнаго „празднованія" 1 мая къ 1890 году, связывая его съ постановленіемъ американской Федераціи Труда въ С. Луи, состоявшимся 1 декабря 1888 г. Изъ этой же даты исходитъ и Парижскій Международный Конгрессъ 1889 г.

Этотъ Конгрессъ, идейно и организаціонно отмежевавшійся отъ революціонной тактики анархизма и положившій начало рабочему государственно-крохоборческому оппортунизму, почелъ для себя необходимымъ основательно забыть всѣ революціонные факты и традиціи изъ исторіи международнаго рабочаго движенія и присвоить себѣ инициативу рабочаго „праздника". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исказилъ и содержаніе Перваго Мая, превративъ его изъ грозной революціонной демонстраціи рабочаго класса за свое конечное освобожденіе въ мирную манифестацію за минимальныя экономическія реформы на почвѣ существующаго законодательства.

Идея Перваго Мая въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго ни съ постановленіемъ Федераціи Труда въ С. Луи, ни съ Парижскимъ Конгрессомъ. Оба „позаимствовали" ее „безъ указанія источника", чтобы извратить ее и опошлить.

Идея революціоннаго Перваго Мая принадлежитъ въ дѣйствительности Первому Интернаціоналу. Практическое-же ея осуществленіе относится къ 1886 г., когда рабочіе города Чикаго постановили объявить „возстаніе труда", — революціонную забастовку противъ своихъ угнетателей. Возстаніе это, руководимое анархистами, завершилось вооруженнымъ вмѣшательствомъ правительственныхъ войскъ и казнью наиболѣе выдающихся идейныхъ руководителей его. Для насъ этотъ день неразрывно связанъ съ памятью Чикагскихъ Мучениковъ.

Съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія роль руководительницы рабочаго движенія и патентованной выразительницы рабочей мысли взяла на себя международная соціальдемократія. Она поставила себѣ ближайшей задачей затемнять классовое самосознаніе пролетаріата, уча его, что только путемъ приспособленія себя къ буржуазному государству и только путемъ сотрудничества съ буржуазными партіями въ установленныхъ государствомъ учрежденіяхъ онъ добьется освобожденія. Полное вытравленіе революціоннаго духа, лишеніе рабочей борьбы всего того, что носитъ характеръ самостоятельнаго классоваго *дѣйствія*, совращеніе ея на путь легальности, — вотъ историческая миссія, выполнявшаяся международной соціальдемократіей за истекшіе четверть вѣка.

Это съ особенной наглядностью сказалось въ томъ характерѣ, какой оффиціальная соціальдемократія придала дню Перваго Мая. Въ то время, какъ анархисты старались сдѣлать его днемъ грозной пролетарской демонстраціи за соціальное освобожденіе, днемъ международнаго клича противъ Государства и Капитала, соціалисты-государственники превратили его въ мирную мѣщанскую манифестацію не за полное уничтоженіе наемнаго труда, а за 8-часовый рабочій день. Вмѣсто возстанія противъ эксплуататоровъ — жалкій протестъ противъ *формы* эксплуатаціи и добрый миръ съ эксплуататорами на основѣ компромиссяаго соглашенія съ ними. Вмѣсто уничтоженія наемной системы труда - полное примиреніе съ нею и признаніе за капиталистами права эксплуатировать рабочихъ впродолженіе 8 часовъ въ сутки, вплоть до „соціальной революціи".

Изъ этого признанія и исходитъ резолюція Парижскаго Конгресса, приглашающая рабочихъ въ день Перваго Мая повсемѣстно обращаться *къ властямъ* съ требованіемъ о сокращеніи рабочаго дня до восьми часовъ. При этомъ форма предъявленія этого требованія тоже опредѣлялась весьма гибко. „Рабочіе различныхъ національностей, говорилось въ резолюціи, могутъ осуществить манифестацію такъ, какъ это диктуется имъ условіями въ ихъ странѣ".

Германская соціальдемократія, этотъ прообразъ ортодоксальной соціалистической мысли, первая показала примѣръ „діалектическаго" истолкованія постановленія Конгресса. Походъ противъ Перваго Мая былъ открытъ германской соціальдемократической фракціей рейхстага въ статьѣ, появившейся въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ „Berliner Volksblatt" за 1890г. „Мы не можемъ совмѣстить съ нашей совѣстью рекомендовать рабочимъ не работать 1 мая... Парижскій Конгрессъ имѣлъ въ виду только манифестацію въ пользу *8-часоваго рабочаго дня и рабочаго законодательства*.... Но тамъ, гдѣ прекращеніе работъ возможно 1 мая *безъ конфликтовъ*, пусть оно совершится". И далѣе: „Что касается характера манифестаціи, то мы предлагаемъ организовать повсемѣстно собираніе подписей подъ петицію къ рейхстагу". Заканчивалась статья призывомъ: „Рабочіе! Мы знаемъ, что вы на высотѣ вашей задачи: вы и 1 Мая сохраните то *разумное* поведеніе, которому мы обязаны избирательной побѣдою 20 февраля". Въ сопроводительной къ этой статьѣ резолюціи выставлялось требованіе ввести 8-час. рабочій день *„при условіи охраненія справедливыхъ интересовъ промышленности"*.

На состоявшемся въ октябрѣ 1890 г. партейтагѣ въ Галле, Бебель сказалъ: „Мы приложимъ всѣ старанія, чтобы праздновать не день 1 Мая, а сдѣлать днемъ демонстраціи *первое воскресеніе въ Маѣ*". Это глубокомысленное пожеланіе встрѣтило широкій откликъ въ умахъ партійныхъ заправилъ и 4 февраля 1891 г. форштандъ партіи выпустилъ воззваніе къ рабочимъ въ этомъ смыслѣ; тамъ, между прочимъ, подчеркивалось, что празднованіе должно протекать внушительно, достойно и *спокойно*.

Было-бы слишкомъ долго останавливаться на резолюціяхъ всѣхъ національныхъ и интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессовъ относительно Перваго Мая. Достаточно указать, что германская соціальдемократія до сихъ поръ не признала этого дня днемъ прекращенія работъ, а предоставляетъ вопросъ о способахъ чествованія его локальнымъ организаціямъ, которыя должны при этомъ руководствоваться „справедливыми интересами промышленности" и „экономическимъ благополучіемъ рабочихъ".

Но изъ среды рабочихъ массъ раздавалось много внушительныхъ голосовъ за то, чтобы превратить Первое Мая въ день *обязательнаго* прекращенія работъ. Это заставило партію еще энергичнѣе подтверждать на каждомъ партейтагѣ постановленіе о *необязательности* его и взвалить матеріальную отвѣтственность за безработицу, угрожавшую разсчитаннымъ революціоннымъ рабочимъ, на кассы профессіональныхъ организацій. Этимъ партія создала себѣ поддержку среди синдикальныхъ чиновниковъ, больше всего заботившихся о благополучномъ состояніи союзныхъ кассъ. Какъ на одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ укажемъ на Центральный Союзъ Рабочихъ по Металлу, принявшій на съѣздѣ 1901 г., въ Нюрнбергѣ, постановленіе, гласившее, что прекращеніе работъ въ день 1 Мая допустимо *только тамъ, гдѣ это возможно безъ конфликтовъ съ предпринимателями*, и дополнившій это постановленіе принятіемъ на съѣздѣ въ Берлинѣ, въ 1903 г., резолюціи, § 3 которой снималъ съ Союза матеріальную отвѣтственность за разсчеты его членовъ-рабочихъ изъ-за празднованія 1 Мая.

Вообще консервативная роль нѣмецкихъ профессіональныхъ организацій сказывалась все рѣзче, все разительнѣе. Напр., тотъ же Центральный Союзъ рабочихъ по металлу опубликовалъ для распространенія среди рабочихъ, въ 1905 г., „Маленькій лексиконъ промышленнаго права", въ которомъ подъ рубрикою *„Майское Празднованіе"* говорилось буквально слѣдующее:

„Оставленіе работы въ день 1 Мая есть нарушеніе контракта и даетъ работодателю право на требованіе возмѣщенія убытковъ (§ 124 b уложенія). Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что оставленіе работы именно 1 Мая *безъ разрѣшенія работодателя* есть незаконный актъ въ смыслѣ § 123, 3 уложенія".

Комментаріи излишни. Какъ уже сказано выше, международная соціальдемократія оказывала впродолженіе четверти вѣка *реакціонное* вліяніе по отношенію къ рабочему классу, несмотря на внѣшнюю, кажущуюся прогрессивность ея работы на поприщѣ буржуазнаго законодательства. Ея буржуазная политика носила прогрессивный характеръ (да и это не всегда), а ея классово-пролетарская политика — реакціонный. Она сумѣла въ большинствѣ странъ лишить рабочее движеніе его классовой самостоятельности и приспособить его къ рамкамъ буржуазной легальности, къ „справедливымъ" интересамъ промышленности и государства.

Это сказалось особенно рельефно въ вопросѣ о Первомъ Мая. Да такъ оно и должно было быть, потому что Первое Мая является эмблемою Рабочаго Возстанія за конечное освобожденіе труда и уже *по существу* отрицаетъ всякую легальность. Революціонное Первое Мая — страшный призракъ не только для буржуазіи, но и для погрязшей въ буржуазной легальности международной соціальдемократіи. Поэтому соціальдемократія прежде всего и поставила себѣ задачей забыть первоначальное революціонное содержаніе этого дня и замѣнить его содержаніемъ буржуазно-выполнимымъ. Вмѣсто лозунга *долой наемный трудъ!* она провозгласила другой — *право работодателямъ эксплуатировать рабочихъ впродолженіе 8 часовъ въ сутки.*

Въ содержаніи, которое было вложено въ день 1 Мая Первымъ Интернаціоналомъ и Чикагскими Мучениками съ одной стороны, и Вторымъ Интернаціоналомъ съ другой, и заключается существенное различіе между двумя рабочими тактиками, — революціонной и оппортунистической. Теперь рабочіе всѣхъ странъ на практикѣ смогли убѣдиться, къ чему ведетъ соціальдемократическій реформизмъ и буржуазно-соціалистическая легальность. Жизнь - лучшій учитель. И въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ того, что Первое Мая въ самомъ близкомъ будущемъ опять приметъ революціонный характеръ, *что оно опять станетъ эмблемою Рабочаго Возстанія за полное освобожденіе труда.*

ИТАЛІЯ.

Этого нельзя было не предвидѣть. Въ силу создавшагося положенія, Италія не могла остаться безучастной зрительницей въ міровой трагедіи. И не могло также подлежать никакому сомнѣнію, что она порветъ тридцатилѣтнія узы, связывавшія ее съ Германіей и Австріей, чтобы перекинуться на сторону державъ Тройственнаго Согласія. Еще одинъ дипломатическій договоръ сталъ „клочкомъ бумаги."

Шестая великая держава не могла допустить такого разгрома Австріи и Турціи, при которомъ ей не пришлось-бы быть участницею грабежа. Какъ стая вороновъ кружится надъ падалью, такъ итальянская дипломатія чуть не съ перваго момента европейской войны закружилась надъ головою дуалистической монархіи. Ножъ былъ занесенъ давно, нужно было лишь улучить наиболѣе удобный моментъ для нанесенія удара, выторговавъ себѣ возможно большія компенсаціи. Пораженіе Россіи въ Карпатахъ явилось очень выгоднымъ для итальянской дипломатіи обстоятельствомъ, несомнѣнно сопровождавшимся предательствомъ со стороны Франціи и Россіи значительной части сербскихъ интересовъ въ Адріатикѣ.

Имперіалистическіе аппетиты съ каждымъ днемъ разростались въ Италіи, требованія итальянской буржуазіи становились все непомѣрнѣе. Въ другое время ни одному итальянскому правительству не удалось бы, конечно, склонить „народное мнѣніе" къ принятію войны. Съ итальянскаго народа довольно было и триполитанской экспедиціи, еще до сихъ поръ не оконченной и ничего ему не принесшей, кромѣ безчисленнаго количества свѣжихъ могилъ, неимовѣрнаго числа вѣчныхъ калѣкъ и уродовъ и непосильно тяжелыхъ военныхъ налоговъ. Но на этотъ разъ дѣло обстояло проще. При данныхъ условіяхъ ловкому правительству даже не стоило большихъ усилій обработать и сфабриковать нужное ему для войны общественное мнѣніе. „Стоны нашихъ братьевъ по ту сторону границы", „ихъ тянущіеся къ намъ руки", „несчастная Бельгія", „звѣрское потопленіе Лузитаніи", „наше историческое право", „наша великая національная задача", „наша обязанность встать на защиту свободы и права", „циничное надругательство надъ международными договорами", — вотъ мелодраматическій фонъ, на основѣ котораго подготовлялось въ Италіи психологическое пріятіе войны народомъ.

Но какимъ народомъ, какими слоями его? Ни рабочіе, ни малоземельное крестьянство войны, конечно, не хотятъ. Ее требуетъ буржуазія и городское мѣщанство. Итальянскій пролетаріатъ заявилъ еще въ самомъ началѣ о своей приверженности къ рабочему интернаціонализму и о томъ, что онъ будетъ противиться войнѣ.

Но удастся ли ему это? Мы думаемъ, что нѣтъ. Итальянское правительство было хорошо освѣдомлено о настроеніи рабочихъ массъ и заранѣе приняло всѣ мѣры. Несмотря на то, что до объявленія войны декретъ о мобилизаціи не былъ опубликованъ, предварительная мобилизація почти совершенно закончена, войско готово. Итальянское правительство подготовилось къ войнѣ подъ шумокъ, подъ прикрытіемъ формулы нейтралитета.

Устами значительной части своихъ синдикальныхъ организацій и своей анархической прессы рабочій классъ Италіи неустанно высказывалъ безусловно отрицательное отношеніе къ войнѣ. Онъ проявилъ наибольшую зрѣлость и сознательность по сравненію съ рабочими всѣхъ другихъ странъ и сразу провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между своей классовой политикой и политикой буржуазіи. И если въ данный моментъ, благодаря всему комплексу условій, это не дало непосредственныхъ результатовъ, то въ скоромъ будущемъ, — вѣроятно даже въ очень скоромъ, — высокая интернаціоналистическая сознательность рабочаго класса Италіи со всею силою проявится на послѣдующихъ событіяхъ.

А итальянскій соціализмъ? Реформистское крыло его все время выступало за вооруженное вмѣшательство, оффиціальные же соціалисты до войны вели себя очень достойно, энергично пропагандируя необходимость абсолютнаго нейтралитета. Однако въ парламентѣ картина измѣнилась, показавъ, что даже у лѣваго крыла, по крайней мѣрѣ у лидеровъ, интернаціоналистичность существуетъ только въ теоріи. Парламентское крыло революціонныхъ соціалистовъ на дѣлѣ солидаризировалось съ націоналистической буржуазіей и тоже ознаменовало свое выступленіе *измѣною лозунгамъ рабочаго класса.*

Въ парламентѣ отъ имени соціалистовъ-реформистовъ выступилъ Чиккотти. Онъ заявилъ, что его группа не создастъ правительству никакихъ затрудненій въ этой оборонительной войнѣ и будетъ голосовать за нее. Оборонительной! Напасть на своего сосѣда, отобрать у него формально принадлежащія ему территоріи, ограбить его, — на языкѣ господъ итальянскихъ соціалистовъ это называется „обороняться"! Удивительно, какъ соціалисты во всѣхъ странахъ ведутъ только оборонительныя войны, въ то время какъ ихъ правительства и не думаютъ скрывать, что ведутъ войны наступательныя! Это тоже весьма любопытный международный признакъ.

Представитель „революціоннаго" крыла итальянской соціальдемократіи, Турати, заявилъ, что его группа *изъ принципа не можетъ голосовать* за войну, но что она тоже не будетъ создавать правительству оппозиціи. „Во всякомъ случаѣ, добавилъ онъ, наша группа не солидарна съ группою Джіолитти". А Джіолитти, какъ извѣстно, требовалъ сохраненія нейтралитета на основаніи тѣхъ уступокъ, которыя Австрія готова была сдѣлать. Парламентскому представителю оффиціальнаго итальянскаго соціализма этихъ уступокъ, оказывается, тоже недостаточно для удовлетворенія его націоналистическаго аппетита!

Что касается поведенія самихъ массъ и тѣхъ революціонныхъ организацій, которыя остались вѣрны принципамъ рабочаго интернаціонализма, то пока еще не имѣется свѣдѣній о томъ, какъ онѣ реагировали на объявленіе войны.

Итакъ, послѣдняя изъ великихъ державъ континента, Италія, тоже втянута въ водоворотъ имперіалистической катаклизмы. Это повлечетъ за собою неисчислимыя другія бѣдствія, главнымъ образомъ для балканскихъ народовъ, до сихъ поръ остававшихся въ сторонѣ. Маленькіе шакалы не захотятъ отстать отъ большихъ и уже предвкушаютъ сладость „территоріальныхъ пріобрѣтеній" за счетъ австро-турецкой коалиціи.

Итальянскій соціализмъ, маскируя свою измѣну рабочему дѣлу, тоже проронилъ не мало высокихъ словъ о „культурной миссіи" тройственнаго согласія, о торжествѣ „культуры свободныхъ народовъ" и т. д. Но въ Италіи ему не удалось обмануть этимъ рабочихъ. Итальянскій рабочій классъ глубоко проникнутъ *сознаніемъ*, что есть только двѣ культуры — пролетарская и буржуазная, и что франко-англійская буржуазная культура отнюдь не менѣе классовая по своему содержанію, слѣдовательно антипролетарская, нежели австро-германская. И онъ знаетъ также, что всякая буржуазная культура ведетъ къ имперіалистическому соревнованію и къ войнамъ, которыя станутъ невозможными только съ момента международной побѣды анархической, *пролетарской* культуры.

Н. Гарри.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ГРѢХОПАДЕНІЕ И ВОЗРОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

(Продолженіе).

3. Современное общество.

Государство, нація, культура, отечество.

в) Культура и цивилизація.

Впродолженіе настоящей войны, особенно вначалѣ ея, было сказано очень много въ защиту культуры той или другой страны и были сдѣланы попытки обосновать самую войну, какъ борьбу различныхъ культуръ между собою. Противопоставленіе культуръ и „научный" анализъ ихъ должны были служить какъ сторонникамъ Тройственнаго Согласія, такъ и сторонникамъ Тройственнаго Союза для теоретическаго обоснованія ихъ симпатій. При этомъ какъ разъ наиболѣе выдающіеся представители современной науки договаривались до наиболѣе поразительныхъ съ объективно-научной точки зрѣнія абсурдовъ. Желаніе во что бы то ни стало *оправдать научно* буржуазно-націоналистическую *политическую* теорію о необходимости защиты территоріальныхъ границъ даннаго государства могло получить осуществленіе только путемъ націонали-

заціи міровыхъ научныхъ цѣнностей, только путемъ шовинистской эксплуатаціи этихъ послѣднихъ.

Само собою понятно, что всѣ попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи современными большими и маленькими теоретиками политическаго націонализма, исходя не изъ научнаго объективнаго критерія, а изъ искусственнаго приспособленія научнаго *метода* къ области элементарныхъ субъективно-эмоціональныхъ переживаній, могли имѣть только одинъ результатъ: онѣ еще разъ доказали, что международная буржуазія, нуждаясь въ содѣйствіи народныхъ массъ для осуществленія своихъ имперіалистическихъ и направленныхъ противъ народа же замысловъ, не останавливается ни передъ какими средствами, чтобы одурачить народъ. Тутъ для нея всѣ средства хороши, въ томъ числѣ и фальсификація общечеловѣческихъ научныхъ цѣнностей. Поэтому, желая опредѣлить, что именно представляютъ собою въ дѣйствительности культура и цивилизація современныхъ народовъ, мы раньше всего должны постараться совершенно отвлечься отъ всего того, что было сказано о нихъ на протяженіи настоящей войны, которая пока вообще не дала никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ безпримѣрной въ исторіи человѣчества реакціи въ области научной и политической мысли и кромѣ обоснованнаго „научно“ идейнаго ренегатства отъ принциповъ рабочаго интернаціонализма. Во всей исторіи человѣчества едва ли можно найти что либо болѣе антикультурное, чѣмъ современная война и связанныя съ нею потуги дать ей культурно-этическое оправданіе.

Что же представляетъ изъ себя современная культура? Каково ея практическое приложеніе? Изъ какихъ элементовъ состоитъ она и какова связь между нею и цивилизаціей? Вотъ вопросы, на которые намъ раньше всего нужно отвѣтить себѣ, чтобы понять всю безсмысленность *научнаго оправданія* шовинизма.

Культура — суммарное понятіе, которымъ нельзя опредѣлять какую нибудь одну область человѣческой науки или знанія. Въ нее входятъ на совершенно одинаковыхъ правахъ всѣ науки и искусства, всѣ духовныя богатства и техническія усовершенствованія универсальнаго человѣческаго генія. Она — послѣдній результатъ общечеловѣческаго развитія, отраженіе всего пройденнаго человѣчествомъ съ момента его возникновенія до нашихъ дней пути, духовная ассимиляція насъ самихъ съ предыдущими вѣками и поколѣніями.

Современная культура образовалась изъ постояннаго взаимодѣйствія другъ на друга первоначально различныхъ національныхъ культуръ, изъ общенія между собою различныхъ народовъ, переносившихъ другъ къ другу свои обычаи, свою религію и литературу, свои знанія и технику. О среднихъ вѣкахъ и, пожалуй, даже о послѣдующемъ періодѣ вплоть до начала XIX столѣтія еще можно съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить о національныхъ культурахъ. Римъ и Византія, Россія екатерининскихъ временъ и Франція эпохи Людовика XIV несомнѣнно еще находятся во власти своихъ національныхъ культуръ, хотя прониканіе къ нимъ науки, философіи и обычаевъ другихъ народовъ уже имѣло мѣсто. Однако, такъ какъ оно не оказывало рѣшающаго вліянія, то національныя культуры оставались преобладающими. Но съ начала XIX столѣтія, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ усовершенствованіемъ почтово-телеграфныхъ и трансатлантическихъ сношеній, съ колоссальнымъ развитіемъ торговаго обмѣна, начался процессъ усиленнаго обмѣна также и духовными цѣнностями и ихъ ассимиляція въ международномъ масштабѣ. Процессъ этотъ совершался съ такой неимовѣрной интенсивностью и быстротой, что въ настоящее время можно считать его въ основныхъ чертахъ почти завершеннымъ. Сейчасъ уже ни въ одной почти области культурныхъ цѣнностей — ни въ наукѣ, ни въ философіи, ни въ техникѣ — не отражаются національныя особенности. Само собой понятно, что нѣмецкая философія продолжаетъ называться нѣмецкой, но фактъ тотъ, что она усвоена всѣми культурными странами и воспринята ими. Такъ же точно какъ, напр., итальянская или голландская школа живописи перестала быть отличительной для этихъ странъ въ настоящее время, а воспринята и привилась во всѣхъ остальныхъ культурныхъ странахъ. Византійскій стиль, Римское Право, греческая мифологія и сказки Шехерезады, несомнѣнно возникшіе въ результатѣ національнаго творчества, въ настоящее время еще свидѣтельствуютъ о давнопрошедшихъ культурныхъ особенностяхъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они возникли, но уже не составляютъ современной культурной особенности ни для одной изъ создавшихъ ихъ націй, а проникли всюду и стали общимъ культурнымъ достояніемъ. Единственными національными пережитками еще являются языкъ, интернаціонализація котораго технически болѣе сложна, народная музыка и народные обычаи, связанные съ традиціями, національныя одѣянія, какъ равно и нѣкоторыя другія національныя особенности, связанныя съ климатическими и этнографическими условіями данной страны. Но это — лишь детали, нисколько не опровергающія факта интернаціонализаціи всѣхъ культурныхъ цѣнностей и культурной ассимиляціи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Мы не будемъ останавливаться также на религіозныхъ особенностяхъ, которыя тоже являются только разновидностями одной и той же, одинаково свойственной всѣмъ народамъ идеи, исходящей изъ признанія сверхъестественнаго божественнаго начала. Намъ важно только подчеркнуть, что процессъ интернаціонализаціи всѣхъ культурныхъ цѣнностей и культурной ассимиляціи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ въ настоящее время уже настолько завершился, что серьезно говорить о культурномъ преимуществѣ другъ передъ другомъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ больше невозможно. Въ настоящее время похвалиться самобытной культурой могутъ только еще китайцы, долго окружавшіе себя китайской стѣной отъ прониканія европейской цивилизаціи и еще не успѣвшіе духовно ассимилироваться съ Америкой и Европой, и дикія племена тѣхъ странъ, куда европейская цивилизація еще не проникла.

Процессъ прониканія культуры въ народъ, пріобщеніе къ ней болѣе или менѣе широкихъ слоевъ народа, приложеніе культурныхъ цѣнностей къ народному творчеству, называется цивилизаціей. Цивилизація — проводникъ культурныхъ достиженій въ народныя массы, методъ культурнаго воспитанія массъ.

Но характерной особенностью буржуазнаго общества по отношенію къ культурѣ является то, что въ немъ культурныя цѣнности несвободны. Методъ цивилизаціи, связанный съ существованіемъ буржуазнаго строя, дѣлаетъ прониканіе ихъ неравномѣрнымъ и приспособляетъ ихъ исключительно къ интересамъ капиталистическаго способа производства. Современная культура въ основѣ своей буржуазна, т. е. она постоянно стремится къ наиболѣе цѣлесообразной организаціи всѣхъ культурныхъ достиженій въ цѣляхъ наиболѣе выгодной эксплуатаціи рабочаго труда. Цѣлью буржуазнаго общества является не культурное развитіе народа, а эгоистическое использованіе культурныхъ цѣнностей для усовершенствованія эксплуатаціи народныхъ массъ. Вотъ почему буржуазное общество по природѣ своей антикультурно.

Буржуазной культурѣ противостоитъ культура эгалитарная. Она имѣетъ противоположныя, дѣйствительно культурныя цѣли. Ея задачею является освобожденіе всѣхъ культурныхъ цѣнностей отъ цѣпей капитализма, обобществленіе ихъ и культурный расцвѣтъ всѣхъ народовъ въ условіяхъ свободнаго, коммунистическаго общежитія. Только съ момента уничтоженія буржуазной культуры и замѣны ея эгалитарной — сможетъ прочно воплотиться въ жизнь и ляжетъ въ ея основу коллективное народное творчество, какъ рычагъ дальнѣйшаго культурнаго развитія человѣчества.

Александръ Ге.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УРОКИ ВОЙНЫ.

II. Синдикалисты. П. А. Кропоткинъ.

Какъ мы относимся къ поведенію французской Конфедераціи Труда?

Отвѣтъ нашъ ясенъ и простъ: такъ же, какъ къ поведенію нѣмецкой соціальдемократіи.

Поведеніе и тѣхъ и другихъ — *явная измѣна завѣтамъ пролетарскаго интернаціонализма.*

Чѣмъ объясняется поведеніе Конфедераціи?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ коротко:

1) Во французскомъ синдикализмѣ то тайно, то явно боролись не только различныя, но и отчасти *противоположныя* теченія. Революціонные синдикалисты, пропитанные въ большей или меньшей степени *идеологіей анархизма,* встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны синдикалистовъ-реформистовъ, пропитанныхъ въ большей или меньшей степени *идеологіей буржуазнаго демократизма.*

2) Побѣда милитаризма есть одновременно и результатъ и показатель побѣды „внутреннихъ враговъ“ революціоннаго синдикализма, реформистовъ, надъ лѣвымъ, революціоннымъ крыломъ синдикализма.

3) Возмутительное поведеніе многихъ видныхъ синдикалистовъ объясняется той ролью, которую они должны были играть *какъ главари идеологически разношерстнаго организма.* Наличность внутренняго конфликта принуждала вождей искать *компромисса,* равнодѣйствующей. Это вѣчное исканіе компромисса, вѣчное стираніе своей боевой индивидуальности *извратило психологію вождей,* выдвинуло все худшее, обывательское, благоразумное, что скрыто во всѣхъ, даже лучшихъ сердцахъ. Произошелъ своеобразный подборъ душевныхъ элементовъ: покладистость, умѣнье „ладить“, стирать острые углы считались положительными качествами.

4) Вѣчная, никого, въ послѣднемъ счетѣ, не удовлетворяющая погоня за компромиссомъ породила безсознательный *пессимизмъ,* невѣріе въ *близкое торжество пролетарскаго дѣла.*

5) А пессимизмъ, невѣріе въ свое *рабочее* дѣло, порождалъ вѣру въ прочность „хозяйскаго“ дѣла — уваженіе и преклоненіе передъ цѣнностями буржуазной культуры.

Вотъ на этой то почвѣ и выросъ, точнѣе — возродился всосанный съ молокомъ матери „патріотизмъ“, закрѣпленный школой и средой...

Демократія побѣдила!

Она обезличила революціонеровъ. Отняла отчасти вѣру въ свой идеалъ и люди пали ницъ передъ чужимъ „богомъ“, поклонились Молоху милитаризма.

Перехожу къ анализу позиціи П. А. Кропоткина. Товарищъ М. Коръ на страницахъ „Голоса Труда“ увѣряетъ, что позиція П. А. Кропоткина тѣсно связана съ той оцѣнкой, которую Кропоткинъ даетъ борьбѣ за политическую свободу. Причемъ тов. Коръ рисуетъ намъ такую картину: Чернознаменцы отрицаютъ даже относительную полезность свободъ, добытыхъ европейскимъ пролетаріатомъ. Для чернознаменцевъ всѣ кошки сѣры, градацій, степеней для нихъ не существуетъ, они замкнулись въ тѣсной формулѣ всеотрицанія. Они поэтому и могутъ щеголять „послѣдовательностью“. Въ этой послѣдовательности есть, быть можетъ, все, но не хватаетъ самаго главнаго — чутья жизни, пониманія реальной дѣйствительности. Кропоткинъ же, не идеализируя демократіи, признаетъ прогрессивное значеніе этихъ „свободъ“. Онъ отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ и, конечно, всей душой на сторонѣ болѣе свободныхъ политическихъ организмовъ, которымъ угрожаетъ желѣзный бронированный кулакъ безпощаднаго нѣмецкаго милитаризма. Вотъ почему Кропоткинъ и призываетъ къ активной борьбѣ противъ нѣмецкой военной мощи.

Права ли тов. Коръ? Мнѣ кажется, что воззрѣнія чернознаменцевъ она излагаетъ не совсѣмъ вѣрно, не полно. Въ частности моя критика брошюры т. Коръ (а мои воззрѣнія, позволю себѣ отмѣтить, не укладываются больше въ узкія для меня *теперь* рамки чернознаменства) не исходитъ изъ принципа отрицанія политической борьбы. Но не это насъ интересуетъ сейчасъ. Важнѣе другое. Въ самомъ ли дѣлѣ отрицательное отношеніе къ позиціи Кропоткина предполагаетъ отрицаніе политическихъ свободъ? — На этотъ вопросъ краснорѣчиво отвѣчаетъ жизнь. Соціальдемократъ Ленинъ и соц.-рев. Гарденинъ, конечно, цѣнятъ блага демократіи не въ меньшей степени, нежели т. Коръ. Ихъ-то ужъ въ „экономизмѣ“ упрекнуть мудрено! Однако же ни Ленинъ, ни Гарденинъ гипнозу соціалъ-шовинизма не поддались, Плехановско-Кропоткинской позиціи не защищаютъ. Значитъ, между соціалъ-шовинизмомъ и положительной оцѣнкой значенія демократическихъ благъ *фактически* тѣсной, обязательной связи нѣтъ. Но въ словахъ т. Коръ зерно истины, несомнѣнно, имѣется. Именно: *у Кропоткина лично* „милитаризмъ“ связанъ съ его, Кропоткина, воззрѣніями на значеніе различныхъ формъ политическаго строя. Однако же мы энергично протестуемъ противъ утвержденія, будто позиція Кропоткина хотя бы въ малѣйшей степени связана съ міросозерцаніемъ анархическаго коммунизма. Нѣтъ. Скорѣе въ самой оцѣнкѣ демократическихъ благъ, даваемой Кропоткинымъ, намѣчается уже уклоненіе отъ основныхъ принциповъ анархическаго коммунизма. Что само ученіе Кропоткина, взятое въ цѣломъ, ни въ коемъ случаѣ не оправдываетъ его „военной“ позиціи, объ этомъ свидѣтельствуетъ и выработанный Кропоткинымъ-же методъ оцѣнки прогрессивныхъ соціальныхъ явленій.

Какъ Кропоткинъ опредѣляетъ прогрессъ?

„По мнѣнію Кропоткина — говоритъ добросовѣстный, но не глубокій Эльцбахеръ — высшимъ закономъ для человѣчества является законъ развитія человѣчества отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому существованію“. (стр. 158.) И далѣе (стр. 163) — „Вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому существованію исчезаетъ, по мнѣнію Кропоткина, не право вообще, а право писанное“. Такая формулировка, формально правильная, можетъ, однако, породить много недоразумѣній. Можетъ казаться, будто Кропоткинъ ограничивается крайне отвлеченнымъ и до безсодержательности широкимъ терминомъ „болѣе счастливое существованіе“, не опредѣляя точнѣе, что онъ подъ этимъ терминомъ понимаетъ. И еще: можетъ казаться, будто Кропоткинъ располагаетъ весь ходъ развитія человѣчества по линіи *возрастающаго* счастья и *убывающихъ* невзгодъ и горя жизни. А это не такъ. Кропоткинъ даетъ, хотя и не всегда точно формулируетъ, *свое* пониманіе перехода къ „болѣе счастливой жизни“. Отрицательное отношеніе къ Государству накладываетъ, конечно, свою яркую печать на это опредѣленіе. Намъ кажется, что французскій мыслитель Адольфъ Фулье, хорошо опредѣлилъ, такъ сказать, юридическую сторону характернаго для анархизма пониманія прогресса. Фулье говоритъ: „прогрессомъ я считаю *замѣну всѣхъ принудительныхъ нормъ системою свободныхъ соглашеній*“. И Кропоткинъ, конечно, не считаетъ прогрессомъ усовершенствованіе принудительныхъ нормъ. Онъ подчеркиваетъ, что въ исторіи шла вѣчная борьба между *обычнымъ* и *писаннымъ* правомъ. Уже одно это отношеніе къ писанному праву крайне усложняетъ отвѣтъ на вопросъ, что именно Кропоткинъ считаетъ прогрессомъ. Возьмемъ, для иллюстраціи, какой нибудь обыкновенный примѣръ. Представимъ себѣ, что въ парламентѣ прошелъ законъ о принудительной охранѣ дѣтей отъ деспотизма родителей. Казалось бы, что двухъ мнѣній относительно положительнаго значенія этого закона быть не можетъ. Какъ-ни-какъ, а дѣти не могутъ безнаказанно подвергаться жестокостямъ, истязаніямъ со стороны самодуровъ-родителей. Но для анархиста-Кропоткина оцѣнка этого закона не такъ уже проста. Конечно, законъ-то по содержанію своему хорошъ, защищать дѣтей надо. Но охрану дѣтей беретъ на себя власть, *принудительное* право, а всякое расширеніе примѣненія области *принудительнаго* права само по себѣ явленіе глубоко реакціонное, анти-прогрессивное.

Общество, держась нашей терминологіи, перешло, конечно въ очень узкой области, отъ менѣе счастливой къ болѣе счастливой жизни, ибо приняло *по содержанію* прогрессивный законъ. Но *формально* общество пошло *назадъ,* ибо расширило сферу проявленія государственно-принудительной власти.

Здѣсь не мѣсто обсуждать вопросъ о томъ, какъ съ точки зрѣнія марксизма долженъ и можетъ быть разрѣшенъ конфликтъ между формальнымъ и, такъ сказать, матеріальнымъ моментомъ права. Намъ важно отмѣтить нѣчто иное: „лучшее“ для либерала не есть „лучшее“ для анархиста даже тогда, когда содержаніе данной конкретной мѣры и одобряется сознаніемъ и совѣстью обѣихъ сторонъ. Возьмемъ примѣръ болѣе значительный: демократію. Можно ли отрицать тотъ фактъ, что при демократическомъ режимѣ гражданамъ „лучше“, нежели при самодержавномъ? Конечно, нѣтъ. Право контроля надъ финансами, цѣлый рядъ „свободъ“ — все это несомнѣнный плюсъ, положительныя завоеванія, и гражданинъ можетъ и долженъ дорожить этими завоеваніями. Опять таки, переходъ отъ самодержавія къ демократіи есть одновременно переходъ отъ менѣе счастливой къ болѣе счастливой жизни... съ точки зрѣнія гражданина!

Но пріемлема ли такая оцѣнка и *для анархиста* П. А. Кропоткина? Нѣтъ.

Здѣсь не мѣсто анализировать подробно демократію. Забудемъ на минутку то, что всѣ эти свободы, „контроль народа“, „врученіе своей воли народному избраннику“ — въ значительной степени фикція. Воздержимся и отъ анализа значенія демократіи для классовой борьбы. Забудемъ про то, что для борющихся *реальной* силой рабочихъ „законы не писаны“, что рабочимъ молча и грозно ставится ультиматумъ: *смирись,* то-есть *легально борись,* и гражданиномъ будешь. Не то — тебя ждутъ разстрѣлы и тюрьмы „во имя равенства и братства“. Забудемъ все это, хотя забыть „все это“ довольно таки мудрено. Остановимся только на противорѣчіи между формальнымъ моментомъ и содержаніемъ. По содержанію своему — если можно условно, конечно, такъ выразиться — демократія выше самодержавія. Много свободъ „даетъ“ она. Формально же, какъ *типъ государства,* она, демократія, хуже самодержавія, ибо она шире, глубже, талантливѣе, прочнѣе *организуетъ жизнь на почвѣ принудительныхъ нормъ.*

Ибо что такое демократія съ этой точки зрѣнія? Отвѣтъ простъ: демократія привлекаетъ къ власти *каждаго гражданина, каждый является носителемъ власти,* а это значитъ, что элементы принудительной власти, какъ нѣчто цѣнное, свидѣтельствующее о переходѣ „къ болѣе счастливой жизни“, прививаются *каждой* душѣ.

Демократія можетъ сказать: „Царствіе мое *внутри васъ*“. Выработка *государственной души,* разселеніе бациллы государственности по *всѣмъ* душамъ; небывалый, могучій расцвѣтъ системы принудительныхъ нормъ, тайно направленныхъ противъ идеи *свободнаго договора,* — такова сущность демократіи. Не ясно ли, что анархистъ не можетъ принять примитивную, вульгарную позицію либерала при оцѣнкѣ роли демократіи?

Надо быть безнадежнымъ тупицей, чтобы предполагать, будто нашъ анализъ обязуетъ насъ къ идеализаціи... самодержавія! Нѣтъ. Это означаетъ лишь: наша тактика, наша оцѣнка лежитъ „по ту сторону добра и зла“ самодержавнаго и демократическаго. Въ этомъ смыслѣ мы и писали въ „Рабочемъ Мірѣ“ (№ 3, изданіе Цюрихской Группы):

> Возможна тройная оцѣнка прогресса вообще и факта замѣны самодержавія народоправленіемъ въ частности. Либеральная оцѣнка такова: прогрессъ — переходъ отъ худшаго къ лучшему. Передъ нами самодержавіе. Оно должно быть устранено и замѣнено народоправленіемъ. Въ этомъ и заключается прогрессъ. Либералъ знаетъ *только* исходную точку отрицанія — самодержавіе. Конечный пунктъ — народоправленіе... ...Анархистъ раньше всего отрицаетъ то положеніе, что всякій переходъ отъ худшаго къ лучшему есть *прогрессъ.*
>
> Или, еще точнѣе, не всякій переходъ отъ одной формы правленія къ другой есть переходъ къ лучшему. Надѣюсь, никто насъ не пойметъ въ томъ смыслѣ, что мы признаемъ принципъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Это отжившая схема, она когда то имѣла свой смыслъ, теперь это — *пустая фраза.* Еще въ меньшей степени есть основаніе опасаться, что кто либо упрекнетъ насъ *въ минимализмѣ на выворотъ:* будто мы признаемъ преимущество самодержавія передъ демократіей.
>
> Мы хотимъ лишь сказать вотъ что: либералъ, какъ мы уже указали, видитъ двѣ полоски: черную — самодержавіе, и ало-розовую — демократію. *Третьей инстанціи нѣтъ.* Отсутствіе этой третьей инстанціи и рѣшаетъ вопросъ. Анархистъ же видитъ эту третью инстанцію, *максимализмъ народный.* Да, крикъ: „всѣмъ воли и всей воли“ порой заглушается криками „$1^1/_2$ фунта хлѣба на брата“. Но все же максимализмъ — фактъ и факторъ въ психологіи народной. *И этотъ то максимализмъ — самостоятельная цѣнность и сила въ исторіи.*
>
> И только такой переходъ *будетъ считаться переходомъ отъ худшаго къ лучшему,* прогрессомъ, который *фактами* закрѣпитъ народный максимализмъ.

И тутъ мы близко подошли ко второму, поставленному нами вопросу: вѣрно ли, что Кропоткинъ располагаетъ событія исторіи по линіи возрастающаго счастья и убывающихъ страданій человѣческихъ? Считаетъ ли Кропоткинъ, что въ историческомъ процессѣ человѣчество только пріобрѣтаетъ, или онъ полагаетъ, что часто иное пріобрѣтеніе сопровождается невознаградимой *потерей?* Этотъ вопросъ нужно рѣзко отграничить отъ другого, смежнаго. Можно утверждать, что всѣ блага цивилизаціи призрачны, что ростъ техники, образованіе крупныхъ городовъ внесло необезпеченность, распалило низменные инстинкты. Ростъ мысли разрушилъ непосредственность, наивность, сама же мысль оказалась безсильной „дать жадному сердцу желанный отвѣтъ“, она породила цинизмъ, смердяковское „все позволено“.

Мы не объ этой критикѣ говоримъ.

Допустимъ, что всѣ завоеванія мысли — сплошное золото безъ лигатуры, допустимъ, что въ пышномъ саду прогресса растутъ однѣ розы, да еще безъ шиповъ. И все же законенъ вышепоставленный вопросъ: не сопровождается ли каждое пріобрѣтеніе *невознаградимой потерей какой либо исторической цѣнности?* Уже одинъ упрекъ Кропоткина по адресу Спенсера въ томъ, что послѣдній совершенно неспособенъ понять положительныя стороны массоваго творчества „дикихъ“ народовъ, намекаетъ на то, что Кропоткинъ въ „доисторическомъ“ прошломъ не видитъ лишь этнографическій матеріалъ, лишь подножіе прогресса, на вершинѣ котораго мистеръ Спенсеръ возсѣдаетъ и органическую теорію общества проповѣдуетъ... Но у насъ есть и прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ; это отношеніе Кропоткина къ средневѣковью и къ эпохѣ Ренессанса (Возрожденія).

Черной тѣнью окутало души и умы мрачное средневѣковье; тогда то и зародилось презрѣніе къ реальному міру, тогда то люди и пріучились къ мысли,

Что земля — долина плача,
Цѣль рожденья — умирать,
И что жизни вся задача —
Какъ бы смерти путь устлать...

Но это далеко не все, чѣмъ характеризуются средніе вѣка. Эта эпоха была отчасти періодомъ чудеснаго расцвѣта самодѣятельности, децентрализаціи; происходила активная и плодотворная борьба съ тенденціей ко всеобезличивающему централизму. Боролись, конечно, элементы, привыкшіе „къ удовлетворенію своихъ нуждъ путемъ *свободнаго соглашенія*“ (Госуд. и его роль въ исторіи).

Шестнадцатое столѣтіе освободило насъ отъ ига средневѣковья. Этотъ вѣкъ пришелъ къ людямъ „съ привѣтомъ — разсказать, что солнце встало, что оно горячимъ свѣтомъ по листамъ затрепетало“. И этотъ привѣтъ былъ такъ нуженъ, необходимъ, ибо „люди

солнце разлюбили", и Ренессансъ взялъ на себя великую и трудную задачу — „къ солнцу ихъ вернуть"... Но *только ли* эту роль выполнило шестнадцатое столѣтіе? — Увы, это не такъ. Извѣстно, что шестнадцатое столѣтіе возродило культъ „древнихъ", а главнымъ образомъ идею *Римской государственности*. Вся система *свободныхъ соглашеній* была безжалостно растоптана, жизнью овладѣла идея желѣзной дисциплины, желѣзнаго чудовища — Римскаго Государства.

И опять таки: переходъ отъ средневѣковья къ эпохѣ Возрожденія является ли переходомъ отъ менѣе счастливой къ болѣе счастливой жизни? Да, ибо разсѣяны мрачные призраки средневѣковья. Нѣтъ, ибо на мѣстѣ системы свободныхъ соглашеній водрузило свое реакціонное знамя Римское Право...

Да не подумаетъ читатель, что мы уклонились отъ нашей темы, отъ милитаристской позиціи Кропоткина.

Нисколько. Конечно, все вышесказанное имѣетъ и самостоятельное значеніе для пониманія философіи исторіи Кропоткина. Но въ данномъ случаѣ намъ важно запомнить: примитивная оцѣнка „лучше" и „хуже", розово-либеральное представленіе о прогрессѣ какъ о накопленіи „богатствъ", органически чуждо анархизму.

И однако, при оцѣнкѣ великихъ событій современной войны Кропоткинъ забываетъ свой критерій добра и зла и подсовываетъ иной, примитивный, упрощенный.

Видите ли, германскій милитаризмъ *хуже* французскаго, германскій политическій режимъ *хуже* французскаго. Защищайте „лучшее" противъ „худшаго", идите въ траншеи, идите подъ знамена Жоффра, „отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!" Неужели же это не полное забвеніе основныхъ принциповъ анархизма, неужели же это не полный отказъ отъ всей сложной системы оцѣнки явленій?! Вѣдь не можемъ же мы повѣрить, будто Кропоткинъ видитъ абсолютное зло въ нѣмецкомъ милитаризмѣ и только жертву — во французскомъ. Не могу же я вѣрить, будто въ глазахъ Кропоткина французскій милитаризмъ, подобно лунѣ, чужимъ, германскимъ свѣтомъ свѣтитъ. Авторъ „Великой Французской Революціи" самъ знаетъ и намъ повѣдалъ о томъ, что французская буржуазія не ягненокъ, все боящійся нѣмецкаго волка. Знаетъ Кропоткинъ и о дѣяніяхъ французской буржуазіи въ „колоніяхъ" (и англійской, конечно). Значитъ, рѣчь не можетъ идти о томъ, что германскій милитаризмъ *хуже* французскаго... И этотъ то подсчетъ — кто „хуже", кто „лучше" — кладется въ основаніе оцѣнки и тактики въ такой моментъ!

Еще одна черточка: допустимъ, что понятіе „массовое творчество" не всегда отличается желательной ясностью. Но вѣдь въ данной то войнѣ это понятіе ясно и опредѣленно. Опять таки: либералъ видитъ черную полоску — германскій милитаризмъ, и ало-розовую — демократическую республику. Третьей инстанціи нѣтъ. Анархистъ же эту третью инстанцію видитъ, это — *рабочій антимилитаризмъ*. Вѣдь авторъ „Взаимопомощи" знаетъ, что въ ней, въ рабочей взаимопомощи, залогъ новой жизни; знаетъ, что если „міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови", то утонетъ въ крови и надежда человѣчества — рабочая солидарность. И вдругъ все это идетъ на смарку, передъ нами будто одна лишь задача: защищать „лучшую" республику отъ „худшей" монархіи. Поразительное явленіе: при оцѣнкѣ прошлаго, среднихъ вѣковъ, роли „дикихъ народовъ" — Кропоткинъ помнитъ и знаетъ, какъ рискованно оперировать одними лишь сравненіями „хуже" и „лучше". При оцѣнкѣ же настоящаго Кропоткинъ цѣликомъ остается во власти этой грубой, элементарной логики. И пусть не говорятъ намъ: въ томъ то и дѣло, что масса не поднялась. Стыдно слушать такія рѣчи! А ежели масса, темная и обманутая, на погромы идетъ, руководимая тѣми-же „вождями"-усмирителями, то развѣ не долгъ революціонера противодѣйствовать этой мутной волнѣ?

Сомнѣнія нѣтъ. Кропоткинъ не по анархически оцѣниваетъ событія и мы объясняемъ это тѣмъ, что въ душѣ Кропоткина „представлены" два „элемента", — *анархизмъ и расплывчатый гуманизмъ*...

Кропоткинъ-анархистъ говоритъ:

> Всякая война есть зло, кончается ли она побѣдой или пораженіемъ; зло для воюющихъ странъ, зло для нейтральныхъ. Я не вѣрю въ благодѣтельныя войны... Желтые и бѣлые, японскіе, русскіе или англійскіе капиталисты мнѣ одинаково ненавистны. Я предпочитаю стать на сторону молодой японской соціалистической партіи. Какъ она ни малочисленна, но она является выразительницей мысли японскаго народа, когда высказывается противъ войны... Словомъ, въ только что вспыхнувшей войнѣ я вижу бѣдствіе, опасность для прогрессивнаго движенія въ Европѣ вообще. *Можетъ ли торжество самыхъ низменныхъ инстинктовъ современнаго капитализма содѣйствовать торжеству прогресса?*

Кропоткинъ же „гуманистъ" забываетъ эти золотыя слова, занимается крохоборчествомъ, подсчитываніемъ кто лучше — бравый россійскій „усмиритель" или наглый нѣмецкій вахмистръ? Гуманистъ-Кропоткинъ говоритъ:

— Отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!

На наличность этихъ чуждыхъ анархизму элементовъ нами указывалось давно. Вотъ что говорилось въ „Черномъ Знамени":

> Если присмотрѣться къ анархизму съ одной стороны, къ научному соціализму съ другой, то, на нашъ взглядъ, увидимъ, слѣдующую аномалію: марксизмъ впервые ярко и рѣзко поставилъ проблему *классовой борьбы*. Можно и должно указывать, что Марксъ не явился какъ deus ex machina, что онъ питался плодами предшественниковъ, но нельзя отрицать, что онъ мастерски сконцентрировалъ идейный багажъ прошлаго, сдѣлавъ идею „класса" центральнымъ пунктомъ міросозерцанія. Это — теоретически. Но — иронія судьбы! — никто и ничто не способствовалъ такъ опошливанію классовой борьбы *практически*, никто и ничто такъ не превращалъ пролетаріатъ въ авангардъ буржуазнаго строительства, никто и ничто не старался такъ прикрыть это „обстоятельство" чахлыми фразами, — „истинно-классовая политика", „организованное вмѣшательство пролетаріата въ политику", — какъ именно марксизмъ на практикѣ.
>
> ...Анархизмъ? — *Практически* — это была единственная сила, развивавшая *классовую борьбу*, единственный носитель идеи борьбы классовъ, а не *сотрудничества*... Но какъ непозволительно теорія отстала отъ практики! Элементы утопическаго идеализма, обрывки мыслей XVIII вѣка смѣшиваются съ современными „прогрессивными теоріями" и все это только мѣстами пронизано лучами классовой теоріи... Это, по нашему, фактъ. Мы глубоко убѣждены, что именно анархическая мысль кроетъ въ себѣ элементы для стройнаго и гармоническаго міросозерцанія; именно анархизмъ, давая теоретическую санкцію классовой насильственной борьбѣ трудящихся, охраняя и развивая бунтовской духъ, можетъ и долженъ давать свои отвѣты на всѣ вопросы современности, на всѣ самые сложные и утонченные запросы ума и души... Но это можетъ быть сдѣлано только при двухъ условіяхъ: 1) чтобы анархизмъ не только сохранялъ, но увеличилъ бы, заострилъ бы классовую тактику и классовую непримиримость, 2) чтобы велась упорная и непрекращающаяся работа вытравленія абстрактно-гуманистическихъ тенденцій.

Наличность этого абстрактнаго гуманизма объясняетъ, съ нашей точки зрѣнія, почему у Кропоткина нѣтъ строго выдержанной *тактической* позиціи по отношенію *къ демократіи*, почему и здѣсь онъ часто забываетъ сложный анархическій критерій и подчеркиваетъ, что, молъ, все же демократія *лучше* самодержавія. И теперь становится яснымъ, въ какомъ смыслѣ права т. Корнъ, утверждающая, что „милитаристская" позиція тѣсно связана съ отношеніемъ П. А. Кропоткина къ „политикѣ". Именно: *и при оцѣнкѣ демократіи и при выработкѣ лозунга въ періодъ войны, Кропоткинъ уклоняется отъ анархизма.*

Ясно, что мы, сторонники рабочаго интернаціонализма, идемъ рука объ руку съ анархистомъ Кропоткинымъ, но боремся съ лозунгомъ „отливайте пушки", отказываемся отъ него, ибо это лозунгъ не анархиста, а „гуманиста" Кропоткина.

Подведемъ итоги. Что погубило германскую соціальдемократію? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ такъ: желаніе соединить несоединимое — *классовую борьбу съ борьбой за демократію*. Что погубило революціонный синдикализмъ? Желаніе примирить непримиримое — веденіе рѣзкой классовой борьбы и одновременная вывыработка тактической платформы, пріемлемой для элементовъ, пропитанныхъ идеологіей буржуазнаго *демократизма*.

Что случилось съ Кропоткинымъ? Элементъ отвлеченнаго гуманизма оттѣснилъ анархическій критерій и заставилъ Кропоткина говорить языкомъ воинствующаго „демократизма *)... Психологически гуманизмъ Кропоткина питается искреннимъ и глубокимъ желаніемъ — *помочь слабому*; тактически же это желаніе — защитить Бельгію — приводитъ къ *страннымъ* рѣшеніямъ, къ отказу отъ рабочаго интернаціонализма и къ проклятію достойному лозунгу „отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!"...

Все это еще рельефнѣе подчеркиваетъ тотъ выводъ, который мы сдѣлали въ предыдущей статьѣ, а именно: *способность пролетаріата противодѣйствовать буржуазному гипнозу находится въ обратной пропорціи къ степени вниманія, удѣляемаго пролетаріатомъ буржуазной демократіи.*

Возникаетъ серьезный вопросъ: можно ли говорить въ одинаковой степени о банкротствѣ анархическаго и соціалистическаго міросозерцанія и тактики? Нѣтъ, нельзя. Для анархизма „демократизмъ" есть *внѣшнее*, чуждое явленіе, инородное тѣло. Для марксизма *демократія — все*; она — органическая, составная часть марксистскаго міросозерцанія и тактики. Еще рѣзче отмежеваться отъ демократіи, это значитъ *для анархизма* — найти источникъ новыхъ силъ, молодой энергіи и кипучей жизни. Отмежеваться отъ демократіи, это означаетъ *для марксизма* — старчество, *духовная смерть*.

* * *

Война поставила роковой вопросъ: что-же дѣлать? Чего ждать и на что надѣяться? На эти вопросы нельзя дать отвѣта безъ изслѣдованія вопроса о *психологіи массъ*. И это не только по отношенію къ данному моменту. Требуется, давно пора изучить вопросъ о внутреннемъ психологическомъ „минимализмѣ" и „максимализмѣ" въ исторіи. Это вопросъ колоссальной *практической* важности. Но не въ газетной статьѣ онъ можетъ быть разрѣшенъ, конечно.

Но, *быть можетъ*, намъ удастся въ рядѣ послѣдующихъ статей поставить его, чтобы облегчить отвѣтъ на жгучіе вопросы современности:

Что дѣлать и на что надѣяться?

Рощинъ.

*) Мы не хотѣли бы быть ложно понятыми. Меньше всего мы являемся сторонниками бойкой полемики и личныхъ выпадовъ противъ Кропоткина. Кропоткинъ, конечно, не „демократъ", ибо демократическаго законченнаго міросозерцанія у него нѣтъ и быть не можетъ. Мы говоримъ лишь о наличности у него *элементовъ* отвлеченнаго гуманизма, вредящихъ Кропоткину же.

ЖАННА Д'АРКЪ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

> Ты вчера еще былъ съ нами
> Въ цвѣтѣ силъ, надеждъ и лѣтъ,
> А сегодня, другъ нашъ бѣдный,
> Отъ тебя простылъ и слѣдъ.
>
> *Минаевъ.*

Соціалъ-патріотизмъ въ первой стадіи своего развитія имѣлъ лишь *политическое* обоснованіе. Плехановъ, Алексинскій и прочіе соціалъ-шовинисты призывали насъ милитаризироваться въ пользу тройственнаго согласія на томъ основаніи, что военная побѣда его приведетъ къ уничтоженію германскаго милитаризма и къ торжеству демократическихъ принциповъ въ Европѣ. Во имя этихъ будущихъ благъ намъ предлагалось забыть „на время войны" о нашихъ счетахъ даже съ русскимъ царизмомъ и не только не мѣшать ему вести войну, но и помогать.

Однако, одного лишь политическаго обоснованія оказалось недостаточно. Для того, чтобы совершить болѣе полно нашу физическую мобилизацію, необходимо было преподнести намъ *теоретическое оправданіе*, необходимо было *милитаризировать наши умы*. Для этой цѣли на сервильное услуженіе буржуазному и соціалистическому шовинизму со всѣхъ ногъ устремились всѣ науки: этика, культуровѣдѣніе, соціологія, національная экономія, философія и проч.

Нѣмецкій философъ Трейчке первый открылъ этотъ теоретическій походъ и ничто же сумняшеся подвелъ научное основаніе подъ громоздкое зданіе нѣмецкой „полнокровной" культуры. По ту сторону Рейна, для спасенія французской культуры, бросились въ чернильную аттаку Бутру и Бергсонъ. Англійскимъ патріотамъ нарушеніе нейтралитета Бельгіи съ первыхъ дней войны дало удобный случай занять наиболѣе выгодныя этическія позиціи. Въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ остались одни только россійскіе соціалъ-шовинисты. Правда, Плехановъ очень авторитетно выступилъ съ національно-экономическимъ лозунгомъ „экономическое развитіе Россіи требуетъ", но это напомнило покойному „Голосу" доводы Торгово-Промышленной газеты и потому сразу показалось всѣмъ „слишкомъ буржуазно". Тогда снѣдаемый всепожирающимъ гражданскимъ пыломъ Алексинскій вскарабкался на этическую вышку и началъ оттуда кричать, что Россія не хотѣла войны и потому „не виновата"; но ему сказали, что это „просто глупо" и попросили слѣзть. Оказалось, что россійская „культура нагайки и штыка" не содержитъ въ себѣ никакихъ этически-теоретическихъ элементовъ для оправданія соціалистической милитаризаціи, и націоналистическая тоска ея идеологовъ такъ и осталась бы неудовлетворенной, если бы, къ счастію для нихъ и для всего цивилизованнаго человѣчества, россійскій кровавый терроръ не объединился въ трогательномъ „единствѣ интересовъ" съ французской республикой и англійской демократіей. Вотъ изъ этого-то обстоятельства, за неимѣніемъ лучшаго, россійская теоретическая идеологія соціалъ-патріотизма и начала черпать свое вдохновеніе. „Хвостикъ тетеньки" еще разъ пригодился.

Мнѣ могутъ сказать, что все это старо, какъ міръ, или по край-

---

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ.

Всеобщая стачка принадлежитъ къ числу тѣхъ идей, которыя вышли изъ нѣдръ рабочаго класса; она — коллективная идея рабочаго класса, настоящая „рабочая мысль". Въ формѣ немного иной, чѣмъ современная, всеобщая стачка служила оружіемъ англійскимъ рабочимъ въ періодъ 1830—1842 гг. и по всей вѣроятности изъ Англіи проникла въ Интернаціоналъ, въ которомъ нашла энергичныхъ поборниковъ въ особенности среди лѣваго крыла его. Для лѣваго крыла Международнаго Товарищества Рабочихъ всеобщая стачка не была только предметомъ теоретическихъ разсужденій; тамъ, гдѣ это крыло было сильно, оно пыталось перейти отъ теоріи къ практикѣ и использовать это могучее средство для пролетарскихъ цѣлей. Достаточно сослаться на испанскую революцію 1873 г., во время которой интернаціоналисты впервые пытались пустить въ ходъ всеобщую стачку какъ оружіе соціальной революціи. Пораженіе этого движенія дало поводъ Энгельсу оклеветать какъ саму идею всеобщей стачки, такъ и ея наиболѣе страстныхъ и горячихъ поборниковъ [1]).

Карфагенская Коммуна, какъ и Парижская, была побѣждена, но это не уменьшаетъ ея величія. Энгельсъ считалъ своимъ долгомъ дискредитировать испанское движеніе 1873 г., слѣдуя своей непреоборимой ненависти къ бакунистамъ: оно, въ своей соціальной части, велось ими и Энгельсъ считаетъ нужнымъ поставить имъ въ вину ихъ пораженіе: „вы не совершили соціальной революціи, а потому вы преступны", какъ бы говоритъ онъ. Легко бросить камень въ пораженныхъ! Но, вѣдь, до сихъ поръ рабочій классъ ничего не зналъ, кромѣ пораженій. Кто рѣшится поставить ему это въ вину?

Бываютъ пораженія и пораженія. Пораженіе Парижской Коммуны 1871 года и Карфагенской 1873 г. принадлежатъ къ числу такихъ, которыми гордится и живетъ пролетаріатъ. Коммуны эти велики даже въ своемъ пораженіи, какъ предвозвѣстники соціальной революціи, какъ великія попытки пробить брешь въ капиталистической крѣпости и тѣмъ открыть путь къ конечной побѣдѣ пролетаріата. Такія пораженія — вѣрный залогъ грядущихъ побѣдъ. Но если есть проигранныя сраженія, которыя вѣнчаютъ славой пораженныхъ и открываютъ уму и сердцу новые горизонты, то, съ другой стороны, есть побѣды, которыя слишкомъ далеки отъ революціонной славы, чтобы сознательные творцы будущаго могли ими гордиться [2]). Кому изъ искреннихъ революціонеровъ, не погрязшихъ въ мелкихъ политическихъ заботахъ и парламентскихъ интригахъ, эти великія пораженія не дороже въ двадцать разъ больше, чѣмъ двадцать блестящихъ выборныхъ побѣдъ современной соціальдемократіи?

[1]) См. брошюру Энгельса „Бакунисты за работой".

[2]) Напримѣръ, побѣда современной соціальдемократіи надъ международнымъ пролетаріатомъ, толкнувшая пролетаріатъ на взаимоистребленіе.

Среди членовъ Интернаціонала идея всеобщей стачки подвергалась горячему обсужденію. Имѣются документы, устанавливающіе, что на тайныхъ засѣданіяхъ его изучались способы ея практическаго примѣненія. Въ общемъ можно сказать, что тенденціи, намѣчающіяся теперь среди соціалистическаго міра въ пониманіи этого вопроса, намѣчались уже тогда [3]).

Слѣдующая послѣ испанской всеобщей стачки 1873 г. попытка практическаго осуществленія ея имѣло мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1886 году. Характерно, что и тутъ среди ея ревностныхъ поборниковъ и пропагандистовъ мы находимъ въ первыхъ рядахъ опять таки анархистовъ.

„Чикагское американское движеніе въ пользу 8-мичасового рабочаго дня... поддерживалось только группами, ставящими на первомъ планѣ экономическія цѣли. *Рыцари труда* приняли участіе въ движеніи съ неудовольствіемъ и лишь потому, что были вынуждены къ этому. Наоборотъ, молодая анархическая партія, центръ дѣятельности которой находился въ Чикаго, бросилась съ жаромъ въ борьбу, тогда какъ соціалистическая партія, пропитанная европейскими теоріями, не принимала почти никакого участія въ движеніи. Изъ Соединенныхъ Штатовъ идея всеобщей стачки, оплодотворенная кровью чикагскихъ мучениковъ, повѣшенныхъ вслѣдъ за первомайскими манифестаціями 1886 года, проникла во Францію" [4]).

Явившись, такимъ образомъ, отзвукомъ американской всеобщей стачки, идея ея, „оплодотворенная кровью анархистовъ", находитъ своихъ первыхъ пропагандистовъ во Франціи и опять таки среди анархистовъ [5]). Какъ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ [6]), первыми пропагандистами ея во Франціи были Тортелье и Луиза Мишель. На Лондонскомъ конгрессѣ 1888 г. вопросъ о всеобщей стачкѣ уже дебатировался наравнѣ съ другими вопросами; защитникомъ ея выступилъ Тортелье. Изъ анархическихъ газетъ „La Révolte", основанная въ 1887 г., оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрной послѣдовательницей лѣваго крыла Интернаціонала, съ самаго начала своего появленія выступила съ пропагандою идеи всеобщей стачки. Въ статьяхъ „La Révolte" говорится о ней какъ объ идеѣ, давно принятой анархистами, значеніе которой никѣмъ изъ анархистовъ не оспаривается и относительно которой между анархистами существуетъ полное согласіе не только во Франціи, но и повсюду. Во всей прессѣ анархистовъ-коммунистовъ мы не слышимъ ни одного голоса противъ всеобщей стачки. Это въ высшей степени характерно. Чтобы въ какомъ нибудь направленіи осуществилось такое полное согласіе относительно такого важнаго тактическаго пункта, какимъ является всеобщая стачка, нужна громадная предварительная идейная работа, иначе это единство взглядовъ было бы необъяснимо. Эту идейную работу вызвали испанскія событія 1873 г. и чикагскія 1886 г.

Однѣ лишь анархическія газеты уловили громадное значеніе чикагскихъ событій, только онѣ высказали безусловное и горячее сочувствіе имъ [7]).

На международной парижской конференціи 1889 г. делегатами конференціи высказывается мнѣніе о всеобщей стачкѣ, что она не можетъ быть навязана рабочему классу путемъ декрета, но что организація, начавшая движеніе въ подходящій моментъ, можетъ увлечь за собою всѣ другія организаціи [8]).

Въ томъ же 1889 г. авторъ помѣщенной въ „La Révolte" статьи „Революціонная тактика", говоря по поводу того же вопроса, подробно выясняетъ, въ какой формѣ, по его мнѣнію, должна происходить пропаганда идеи всеобщей стачки. Съ каждымъ, говоритъ онъ, нужно говорить на понятномъ ему языкѣ. Каждому изъ тѣхъ, кто производитъ, достаточно сказать:

„Крестьянинъ, если ты перестанешь обрабатывать землю, не будетъ больше хлѣба. Рабочій, если ты скрестишь руки, не будетъ больше промышленности, обмѣна стоимостей. Рудокопъ, если ты покинешь шахты, погаснутъ каменныя печи, остановятся пароходы, потухнетъ газъ, остановится жизнь. Ремесленникъ, если ты закроешь свои мастерскія, не будетъ больше изобрѣтеній, усовершенствованій, остановится прогрессъ. Чернорабочій, если ты откажешь въ своей помощи, кто будетъ выметать человѣческую грязь, кто кромѣ тебя займется этой грязной работой? — Конечно не тѣ, для которыхъ ты теперь чистишь и унижаешься. Служащему: испорчена малѣйшая пружина, остановятся часы; если ты захочешь, остановится торговля и административная организація, колесомъ которой ты являешься. Моряку: покинь твой корабль, одинъ онъ не пойдетъ по морю; закрѣпи твою барку, — кто будетъ ловить рыбу? Солдату: сколько офицеровъ въ ротѣ? — отъ 4 до 5; а солдатъ 200; если ты откажешься идти на войну, кто будетъ воевать? и если 200 ружей Лебеля выстрѣлятъ въ грудь пятерыхъ, кто окажется сильнѣе?

„Такимъ образомъ, говоря съ каждымъ сообразно съ его средой и ремесломъ, можно развить въ рабочемъ, этомъ вѣчномъ рабѣ, сознаніе его цѣны и его силы; ему будетъ показано при помощи фактовъ и примѣровъ, которые всегда могутъ быть провѣрены, что *въ его* рукахъ находится сила и численность и что ему стоитъ

[3]) См. Aldemar Schwitzguebel: „Quelques écrits".

[4]) Enquête sur la grève générale. „Mouvement Socialiste", №№ 137, 138. Отвѣтъ Пужэ.

[5]) Замѣтимъ кстати, что въ одной изъ корреспонденцій, помѣщенной въ газетѣ „Община" въ 1878 г., Элизе Реклю также указывалъ на будущее значеніе всеобщей стачки. См. также брошюру „Памяти Чикагскихъ Мучениковъ".

[6]) См. брошюру „Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ".

[7]) См. „La Révolte" № 10, 1887 г. Для того чтобы подробнѣе судить, какъ анархисты относились къ рабочему движенію вообще и къ всеобщей стачкѣ въ частности, см. статьи, помѣщенныя въ №№ 17, 18, 20 этой газеты за 1887 г.

[8]) См. „La Révolte" № 1 за 1889 г.

ней мѣрѣ какъ соціальдемократія. Совершенно вѣрно. И право же я не сталъ бы опять поднимать всей этой „научной" пыли, если бы, на нашу бѣду, она не забралась и къ нашу квартиру. А разъ такая оказія случилась, да еще публично, то поговорить объ этомъ нужно. Впрочемъ, случись она не публично, то я, пожалуй, тоже о ней поговорилъ бы, ибо нахожу вмѣстѣ съ Гегелемъ, что „нужно обладать смѣлостью не бояться истины", и вмѣстѣ съ Гейне, что нѣмецкій профессоръ-гегельянецъ самъ *себя* ставитъ въ смѣшное положеніе, когда пытается прикрыть „бездонныя пропасти вселенной" своимъ ночнымъ колпакомъ. Къ тому-же я никогда не былъ сторонникомъ оффиціальной христіанской морали, а скорѣе думаю вмѣстѣ съ Ницше, что

Никто изъ насъ не правъ, когда не замѣчаетъ,
Какъ ранитъ та рука, которая щадитъ...

Ну, а помимо всего прочаго я полагаю, что когда въ квартирѣ завелась пыль, то ее слѣдуетъ поскорѣе вымести.

Оказія же у насъ случилась вотъ какая:

Въ № 70 „Голоса Труда" появилась еще одна статья М. Корнъ на тему „Наши спорные вопросы". Какъ и предыдущія статьи того же автора на ту же тему, эта тоже написана для оправданія волонтерства и анархо-патріотизма. Редакція „Голоса Труда" не убѣдилась, конечно, доводами М. Корнъ и предпослала ея статьѣ передовицу, озаглавленную не совсѣмъ точно „Между двухъ стульевъ". Не совсѣмъ точно, ибо свои предыдущія статьи М. Корнъ еще дѣйствительно, быть можетъ, писала въ не совсѣмъ удобномъ промежуточномъ положеніи, переходя съ одного стула на другой; но о послѣдней этого сказать уже нельзя: тутъ авторъ занимаетъ вполнѣ опредѣленное положеніе.

Между прочимъ, совершенно непонятно, почему М. Корнъ выбрала для своихъ статей такое странное заглавіе, почему она во что бы то ни стало хочетъ считать „спорными вопросами" то, что для насъ, анархистовъ, всегда было совершенно безспорнымъ. Для насъ никогда не подлежало даже малѣйшему сомнѣнію, что анархизмъ и республиканизмъ — два абсолютно исключающихъ другъ друга враждебныхъ понятія. А М. Корнъ, для оправданія своего французскаго анархо-патріотизма, изобрѣтаетъ и преподноситъ намъ совершенно новую теорію *республиканскаго анархизма*. Вотъ, въ доказательство, дословная выдержка изъ ея статьи:

> Какъ бы ни была буржуазна современная республика, какъ ни обманула она всѣ ожиданія рабочихъ, какъ ни мало иногда она отличается на практикѣ отъ монархіи, въ ней важна для насъ не практическая ея выгодность, а ея *идея*, хотя и не осуществленная, — идея равенства; точно также какъ въ монархіи для насъ унизительна и непріемлема именно *идея* привиллегированнаго положенія одного человѣка надъ другими. Вотъ почему участіе въ войнѣ соціалистовъ можетъ оправдываться только тамъ, гдѣ есть достойное защиты наслѣдіе прошлаго (какъ во Франціи) или гдѣ рѣчь просто идетъ о борьбѣ съ насиліемъ (какъ въ Бельгіи), и не оправдывается тамъ, гдѣ этого наслѣдія нѣтъ, т. е. ни въ Россіи, ни въ Германіи.

Когда я прочелъ въ первый разъ этотъ пассажъ, моимъ первымъ ощущеніемъ было недоумѣніе: какимъ образомъ статья съ такимъ буржуазно-республиканскимъ содержаніемъ могла появиться въ анархической газетѣ? Вѣдь, для такихъ статей существуетъ множество другихъ, болѣе подходящихъ мѣстъ, множество другихъ редакцій, которыя всегда помѣстятъ ихъ несомнѣнно съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ, вѣроятно, сдѣлалъ это „Голосъ Труда".

Попытаемся вкратцѣ остановиться на вышеприведенныхъ тезисахъ М. Корнъ. Прежде всего она утверждаетъ, что для нея важна не практическая выгодность современной буржуазной республики, а ея неосуществленная идея равенства. И во имя этого неосуществленнаго, т. е. *не существующаго* равенства („наслѣдіе прошлаго"!) она даетъ намъ въ руки винтовку и посылаетъ насъ въ траншеи защищать *существующее неравенство*.

„Неосуществленныя идеи французской республики"... Да еще и третьей республики! М. Корнъ еще можно было бы съ грѣхомъ пополамъ понять, *если бы* она говорила о неосуществленныхъ идеяхъ Великой Французской Революціи, гдѣ дѣйствительно боролись между собою различные, въ томъ числѣ и наши идеалы. Но „идеи французской буржуазной республики" — это совсѣмъ другое дѣло. О какой неосуществленной „идеѣ равенства" говоритъ М. Корнъ? Если даже допустить, что въ основу современной французской республики положены теоретически (а практически до этого еще очень далеко) идеи Contrat social Руссо, т. е. „союзъ свободныхъ гражданъ" или пресловутое „равенство всѣхъ передъ закономъ", то такія ссылки являются для насъ доводами отрицательной величины, ибо Руссо былъ выразителемъ *буржуазныхъ* идей своей эпохи. Неужели М. Корнъ нужно объяснять, что республиканское „равенство всѣхъ передъ закономъ" не есть анархическій идеалъ и достойное защиты наслѣдіе прошлаго? Неужели она не понимаетъ, что „союзъ свободныхъ гражданъ" вообще абсурдъ, ибо въ капиталистическомъ государствѣ никакихъ свободныхъ гражданъ не существуетъ, такъ какъ даже „неосуществленныя" идеи французской республики, столь дорогія теперь сердцу М. Корнъ, имѣя въ своей основѣ принципъ государственности, тѣмъ самымъ построены на принудительности? Да и что такое для насъ *гражданинъ*? Есть ли „союзъ свободныхъ гражданъ" — эта единственная неосуществленная идея французской буржуазной республики — *союзъ экономически однородныхъ единицъ*? Конечно, нѣтъ. Свободный гражданинъ въ буржуазной республикѣ — это знакъ исключительно *политическаго* равенства, которымъ опредѣляются *экономически неравныя* единицы населенія: фабрикантъ, скотопромышленникъ, сутенеръ, генералъ, пролетарій и президентъ республики — все это въ одинаковой степени „граждане". Но къ этому ли „идеалу" стремится анархизмъ и его ли онъ долженъ защищать?

О „неосуществленныхъ идеалахъ" французской республики говорилось и писалось еще во времена Перваго Интернаціонала и еще тогда они получили со стороны нашихъ товарищей надлежащую оцѣнку. А М. Корнъ, которой теперь вдругъ стала дорога „идея равенства" буржуазной французской республики, вздумала переоцѣнивать ее на анархическій ладъ. Напомнимъ ей, что еще въ 1869 г. наши товарищи приглашали рабочихъ *порвать*, не только матеріально, а и идейно, съ буржуазной республикой и отказаться отъ участія въ идейно-республиканскомъ празднествѣ 1-го Марта.

Но все это прекрасно знаетъ и М. Корнъ. Она сама говоритъ, что современная республика буржуазна, что она „обманула всѣ ожиданія рабочихъ", что она „на практикѣ" мало отличается отъ монархіи и т. д. И М. Корнъ отлично понимаетъ, что современная буржуазная республика не можетъ быть тѣмъ объектомъ, за сохраненіе котораго рабочему классу слѣдовало бы проливать свою кровь на войнѣ. И вотъ, не имѣя возможности милитаризировать рабочихъ на основаніи *существующихъ* цѣнностей, она создаетъ категорію цѣнностей *несуществующихъ*, въ томъ числѣ „неосуществленную *идею* равенства". Но, да позволено мнѣ будетъ спросить М. Корнъ: *на войну-то она посылаетъ рабочихъ для спасенія существующаго или несуществующаго?* Что должны защищать сейчасъ участвующіе въ войнѣ съ анархическаго благословенія М. Корнъ соціалисты — *существующую* буржуазную республику или далекую „идею"? Пусть скажетъ мнѣ М. Корнъ, для какихъ *непосредственныхъ* цѣлей она сейчасъ даетъ рабочимъ въ руки ружье: для защиты „неосуществленныхъ идей" или той самой современной Маріанны, противъ которой всегда борется рабочій классъ, которая его угнетаетъ и эксплуатируетъ?

Затѣмъ я не понимаю, на какомъ основаніи М. Корнъ утверждаетъ, что современная республика „обманула ожиданія рабочихъ". Когда Бакунинъ говорилъ, что „Великая Французская Революція обманула надежды рабочаго класса", то онъ имѣлъ право сказать это, потому что рабочій классъ участвовалъ въ Революціи, борясь за свои *классовые*, соціалистическіе идеалы, а получилъ.... современную буржуазную республику. Но эта послѣдняя вовсе не могла обмануть рабочаго, ибо онъ никогда не видѣлъ въ ней своего спасенія и никогда никакихъ надеждъ на нее не возлагалъ. Или М. Корнъ сегодня думаетъ иначе?.... Тогда она немножко расходится съ Бакунинымъ.

Преимущество современной республиканской Франціи надъ монархіями М. Корнъ тоже опредѣляетъ весьма курьезно. „Въ республикѣ, говоритъ она, для насъ важна не практическая ея выгодность, а *ея идея*, хотя и не осуществленная — идея равенства; точно также какъ въ монархіи для насъ унизительна и непріемлема именно *идея* привиллегированнаго положенія одного человѣка надъ другими". Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется, что и сама Марія Корнъ на этомъ абсурдѣ настаивать не будетъ. Неужели ей надо еще доказывать, что привиллегированное положеніе одного человѣка надъ другими вовсе не находится въ связи съ монархическими или республиканскими „идеями", а вытекаетъ изъ *факта* экономическаго неравенства, *одинаково* присущаго какъ монархіи, такъ и республикѣ? И неужели ей надо объяснять, что унизительна и непріемлема вовсе не абстрактная „идея", а самый *фактъ* существованія экономическаго неравенства, и что въ этомъ отношеніи между республиканской Франціей и монархической Россіей по существу нѣтъ никакой разницы?

М. Корнъ, конечно, и сама чувствуетъ, что современная французская республика не обладаетъ никакими фактическими цѣнностями, которыя рабочему классу стоило бы защищать. Но.... „любовь зла, полюбишь и козла". И вотъ, случился грѣхъ, полюбила она неврачнаго республиканскаго козла и, полюбивъ, защищаетъ его. А такъ какъ въ настоящемъ онъ далеко необаятеленъ, то для прикрытія его убожества поневолѣ приходится его идеализировать и ссылаться на доблестныхъ предковъ, которые „Римъ спасли". Вотъ гдѣ разгадка страннаго пристрастія къ „неосуществленнымъ идеямъ" и къ „наслѣдію прошлаго". Совсѣмъ по Паскалю: мы вѣримъ во что либо не потому, что оно истинно, а считаемъ истиннымъ то, что мы любимъ...

Разница между соціалъ-патріотами типа Плеханова и Алексинскаго съ одной стороны, и типа М. Корнъ съ другой заключается въ томъ, что первые — интервенціонисты на основаніи конкретныхъ *существующихъ* цѣнностей, подверженныхъ возможностямъ измѣненія, въ то время какъ М. Корнъ, милитаризирующаяся для защиты *несуществующихъ, идейныхъ* цѣнностей, является передъ нами въ качествѣ защитницы *вѣчныхъ*, не подверженныхъ измѣненіямъ категорій. Если мы захотимъ сдѣлать изъ этого положенія нѣкоторые дальнѣйшіе выводы, они приведутъ насъ къ очень плачевнымъ для М. Корнъ результатамъ. Мы раньше всего должны будемъ признать, что соціальдемократы въ любой моментъ, какъ только условія покажутся имъ измѣнившимися къ невыгодѣ пролетаріата, могутъ перестать быть интервенціонистами; М. Корнъ же, ввиду того, что она стоитъ на стражѣ *вѣчныхъ* категорій, впередъ обречена жестокой судьбою нести крестъ вѣчной великомученицы за „неосуществленныя идеи" и за славное „наслѣдіе прошлаго", т. е. обречена на то, чтобы быть, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Франціи, *вѣчной интервенціонисткой и вѣчной милитаристкой*, для защиты Франціи отъ всегда возможныхъ и въ будущемъ покушеній со стороны государствъ, которыя „неосуществленными идеями" и „наслѣдіемъ прошлаго" похвалиться не могутъ. Жанна д'Аркъ Третьей Республики!... Впрочемъ, въ вопросѣ о томъ, въ какія арміи слѣдуетъ идти волонтерами, М. Корнъ не совсѣмъ послѣдовательна: ей должно было бы быть ясно, что Франція, выступая изолированно, не въ силахъ противостоять германскому нашествію и вмѣстѣ со своими „идеями" будетъ обречена на погибель, если готентоты ея колоній и казаки русскаго царя не окажутъ ей поддержки. Слѣдовательно русская армія, выступая въ союзѣ съ французской, тоже защищаетъ, хочетъ ли она это или нѣтъ, „неосуществленныя идеи" и „наслѣдіе прошлаго". А если такъ, то....

Съ человѣческой точки зрѣнія все это, конечно, очень понятно и извинительно. Любовь къ Республикѣ тоже только слабость, а не преступленіе. Но никогда не слѣдуетъ возводить случайныхъ субъективныхъ переживаній въ степень общеобязательныхъ принциповъ. И не слѣдуетъ пытаться облекать въ анархическій плащъ самую обычную буржуазную сущность. Изъ этого получается не анархизмъ, а чучело анархизма. Противъ подобныхъ покушеній мы всегда протестовали и никогда не перестанемъ протестовать.

Оводъ.

О СИНДИКАЛИЗМѢ.

I.

Ввиду появленія въ предыдущемъ номерѣ „Рабочаго Знамени" статьи т. Оргеіани на тему о революціонномъ синдикализмѣ и статьи т. Ф. А., тоже затрагивающей эту тему, и ввиду отмѣченной редакціей желательности дискуссіи по вопросу о синдикализмѣ, я, считая этотъ вопросъ очень важнымъ, настоящей статьей открываю дискуссію. При этомъ я буду имѣть въ виду не только статью т. Оргеіани въ предыдущемъ номерѣ „Р. З." и не только статью т. Ф. А. въ предыдущемъ номерѣ, но также и статью послѣдняго въ № 3 „Рабочаго Міра" за 1914 г., озаглавленную „Почему мы не должны вступать въ синдикаты".

Въ основѣ разногласій между синдикалистами и антисиндикалистами лежитъ очень большой и очень серьезный вопросъ: кому должна будетъ, въ моментъ соціальной революціи, принадлежать иниціатива осуществленія анархическаго строя, — *сознательной массѣ*, проникнутой единой классовой волей и осознанной целестремительностью, или *иниціативному меньшинству*, ведущему за собою идейно разношерстную, но стихійно-революціонную массу? Изъ этого вопроса непосредственно вытекаетъ другой, о взаимоотношеніи между массой и идеологами.

Прежде чѣмъ остановиться на этихъ вопросахъ, отмѣтимъ, что какъ синдикалисты, такъ и антисиндикалисты совершенно одинаково оцѣниваютъ соціальную структуру массъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи капиталистическаго строя и въ переходѣ къ строю коммунистическому. Характерная для народничества и расплывчатая формулировка „трудовой народъ" уже перестала быть точкою отправленія для анархистовъ. Товарищъ Ф. А. самъ говоритъ: „...*анархисты строятъ свое будущее на пролетарскихъ массахъ*". Такимъ образомъ синдикалисты и антисиндикалисты одинаково признаютъ формулу, что „изо всѣхъ классовъ, которые

только захотѣть, чтобы использовать преимущества этой силы до сихъ поръ эксплуатируемой другими" [9]).

• • •

Въ сравнительно короткое время идея всеобщей стачки достигла широкаго распространенія среди рабочихъ. Еще въ 1889 г. за нее высказывались не только отдѣльныя мѣстности, но цѣлыя группы и синдикаты. Въ этомъ отношеніи интересенъ Манифестъ, выпущенный рабочими группами и союзами города Парижа. Авторы этого Манифеста обращаются къ рабочимъ всего міра съ горячимъ воззваніемъ, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ выдержекъ:

„Какой ужасъ! Люди, производившіе впродолженіе 30 или 40 лѣтъ для капиталистовъ, ходятъ по дворамъ въ качествѣ странствующихъ пѣвцовъ и умираютъ измученные, какъ собаки, въ госпиталяхъ или гдѣ нибудь у камня на большой дорогѣ.

„Вотъ результатъ Великой Французской Революціи, о которой намъ такъ много говорятъ!

„Такъ, Рабочіе, мы лишь нищіе!

„Выпрашивающіе работу, выпрашивающіе хлѣбъ!

„Такъ не можетъ продолжаться дальше...

„Если мы вдумаемся, естественный законъ говоритъ намъ, что всѣ мы одинаково жители Земли, что эта Земля владѣетъ богатствами достаточными, чтобы прокормить всѣхъ, что она должна бы быть общимъ достояніемъ.

„Извращенный человѣческій законъ поступаетъ иначе, — онъ дѣлитъ людей на пролетаріевъ и собственниковъ, на работниковъ и бездѣльниковъ.

„Давно пора, чтобы паразиты исчезли...

„Съ этой цѣлью будемъ подготовлять *всеобщую стачку* всюду, гдѣ она будетъ возможна. *Мы хотимъ стачку всѣхъ, кто трудится, противъ всѣхъ эксплуатирующихъ.* Для этого нужно будить умы, вести постоянную пропаганду, объяснять массамъ, что въ тотъ день, когда рудокопы пріостановятъ добываніе угля, когда земледѣльцы, промышленные рабочіе, булочники не захотятъ больше производить для тѣхъ, кто ихъ эксплуатируетъ, — въ этотъ день буржуазія умретъ и начнется Революція.

„Крестьяне, Рудокопы, Рабочіе, бросайте орудія! Солдаты, бросайте оружіе! Да здравствуетъ всеобщая стачка, которая сдѣлаетъ насъ свободными!..." [10])

• • •

Газета „La Révolte" очень часто возвращалась къ вопросу о всеобщей стачкѣ и, какъ видно изъ статей, помѣщаемыхъ въ ней въ то время, считала его не только вопросомъ громадной важности, но и показателемъ, что въ рабочемъ движеніи произошелъ громадный переворотъ, который долженъ былъ дать этому движенію новое направленіе и привести его къ большей революціонности, большей самодѣятельности.

„Въ 1883 г., говоритъ газета, рабочіе синдикаты созвали на площади Инвалидовъ безработную голодную толпу въ надеждѣ вызвать революціонную попытку.

„Послѣ этого нѣкоторые синдикаты, синдикатъ въ томъ числѣ рабочихъ по производству пищевыхъ продуктовъ, обратились къ общественнымъ властямъ, умоляя однихъ, упрашивая другихъ; последовали только ложныя обѣщанія, обманы и надувательства.

„Теперь, наконецъ [11]), рабочіе поняли, что ихъ полное освобожденіе осуществится лишь путемъ насильственнаго дѣйствія, и ихъ кличъ резюмируется въ идеѣ всеобщей стачки.

„Не есть ли это самое высшее доказательство независимости, какую выказываютъ рабочіе, утверждая, что ихъ собственной силы достаточно, чтобы приковать къ позорному столбу современной исторіи нѣсколько тысячъ бездѣльниковъ, — владѣльцевъ земли и орудій труда!

„Не значитъ ли это, что они хотятъ освободиться отъ тяжелой ноши, давящей ихъ усталыя и изможденныя плечи?

„Не значитъ ли это, что они хотятъ прогнать отъ себя эту ни на что не способную толпу политикановъ, живущихъ невѣжествомъ народа, льстящихъ его честолюбію?

„Да, они поняли въ особенности то, что представляютъ собою необходимую силу; въ этомъ непремѣнное условіе всеобщей стачки...

„Если всѣмъ намъ, производителямъ, надоѣла эта жизнь, полная нищеты и горечи, — чего намъ ждать отъ людей, выше насъ стоящихъ? Не достаточно ли они насъ обворовывали, обирали, эксплуатировали? О, да! И это единственное основаніе, принуждающее насъ принять всеобщую стачку; не для того, чтобы добиться увеличенія заработной платы или другихъ мелочей, — нѣтъ, мы хотимъ, чтобы всѣмъ, чѣмъ богата вселенная, пользовалось Человѣчество.

„Мы хотимъ свободнаго соглашенія работниковъ, группирующихся по взаимной склонности, безъ хозяевъ, безъ законовъ. Такъ какъ всеобщая стачка есть основное оружіе нашего освобожденія, то нашимъ лозунгомъ будетъ: *Да здравствуетъ всеобщая стачка!*" [12])

• • •

Мы не будемъ слѣдовать дальше за газетой „La Révolte", ни за смѣнившей ее „Les Temps Nouveaux", не будемъ говорить и о другихъ анархическихъ газетахъ, ибо съ 1890 годовъ исторія идеи всеобщей стачки и значеніе анархистовъ въ развитіи и пропагандѣ ея достаточно установлены. Мы только хотѣли установить, что анархисты *съ самаго начала* возникновенія этой идеи страстно отдались ея пропагандѣ среди рабочей массы. Начиная съ Чикагскихъ событій и вплоть до тѣхъ поръ, пока идея всеобщей стачки не проникла окончательно въ рабочую среду, анархисты были почти единственными ея защитниками и пропагандистами. Они съ самаго начала уловили громадное значеніе „этой поистинѣ рабочей мысли" и только въ этомъ, а отнюдь не въ открытіи ея, заключается ихъ громадная заслуга.

Впечатлѣніе и энтузіазмъ, вызванные всеобщей стачкой, окруженной ореоломъ славы Чикагскихъ Мучениковъ, были такъ сильны, что Федерація синдикатовъ и профессіональныхъ группъ Франціи, находившаяся подъ вліяніемъ гэдистовъ, тоже была увлечена волной и въ 1888 г., на своемъ конгрессѣ въ Бордо-ле-Бюска, приняла идею всеобщей стачки. Мы говоримъ „увлечена", ибо принятіе ею резолюціи въ пользу всеобщей стачки можно объяснить только увлеченіемъ, ввиду полной неожиданности и скоропалительности этого шага. Черезъ нѣкоторое время, замѣтивъ, что руководящіе центры были противъ принятаго ею рѣшенія, названная Федерація отказалась отъ этой резолюціи. Отказъ отъ идеи всеобщей стачки равнялся для Федераціи самоубійству; и дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени она совершенно заглохла. Но резолюція, принятая съѣздомъ въ Бордо-ле-Бюска, имѣла то значеніе, что она поставила всеобщую стачку на очередь всѣхъ послѣдующихъ профессіональныхъ съѣздовъ.

Въ 1892 г. всеобщая стачка была принята профессіональнымъ съѣздомъ въ Турѣ, въ томъ же году — съѣздомъ въ Марсели, затѣмъ въ 1894 г. Нантскимъ съѣздомъ, въ 1898 г. Реннскимъ и въ 1900 г. Парижскимъ. Съ этого года резолюціи о примѣненіи всеобщей стачки принимались неизмѣнно всѣми послѣдующими съѣздами французскихъ профессіональныхъ организацій каждый разъ, когда вопросъ о ней ставился.

Изъ политическихъ партій одни *аллеманисты* (рабочая партія соціалистовъ-революціонеровъ), образовавшіе свою партію въ 1891 году, послѣ раскола съ бруссистами, выступили въ защиту всеобщей стачки. Что касается другихъ политическихъ партій, то съ ихъ стороны слышались по ея адресу и по адресу ея сторонниковъ лишь презрительныя слова и насмѣшки. На своихъ съѣздахъ они отвергали всеобщую стачку; даже больше, — они не считали ее вопросомъ, достойнымъ серьезнаго обсужденія. Такъ, напримѣръ, всеобщая стачка была отвергнута международными соціалистическими съѣздами: въ 1889 г. въ Парижѣ, въ 1891 г. въ Брюсселѣ, въ 1893 г. въ Цюрихѣ, въ 1896 г. въ Лондонѣ и въ 1900 г. въ Парижѣ. Лишь съ 1900 г., когда идея всеобщей стачки, несмотря на сопротивленіе политическихъ партій, все таки проникла въ рабочую среду и, по выраженію Гэда, стала наносить вредъ соціальдемократіи, послѣдняя, плетясь, какъ всегда, въ хвостѣ рабочаго движенія, оказалась вынужденной заняться ею на своихъ съѣздахъ. Но даже и тогда она своими „разъясненіями" постоянно старалась извратить соціально-революціонную сущность всеобщей стачки.

К. Оргеіани.

[9]) См. „La Révolte" № 9 за 1889 г.

[10]) „La Révolte" № 23, 1890 г. Манифестъ этотъ хотя и былъ опубликованъ въ февралѣ 1890 г., но онъ былъ выпущенъ, какъ намъ удалось установить, въ концѣ 1889 г.

[11]) Статья написана въ 1890 г., спустя 7 лѣтъ послѣ упомянутой манифестаціи.

[12]) „La Révolte", № 23, 1890 г.

въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ стремится дѣйствительно къ коренному перевороту".

Мы согласны и въ томъ, что переходъ отъ капиталистическаго строя къ коммунизму возможенъ только въ результатѣ *массовой* революціи. Но каковъ долженъ быть идейный уровень революціонной массы? Вотъ тутъ то, какъ я уже отмѣтилъ выше, и начинается наше разногласіе.

Товарищъ Ф. А., антисиндикалистъ, говоритъ намъ:

„... всякая революція является синтезомъ *инстинктивнаго* революціоннаго творчества народныхъ массъ и *сознательной* дѣятельности революціоннаго меньшинства".

и дѣлаетъ отсюда дальнѣйшій выводъ:

„... нашей непосредственной задачей въ настоящее время должно быть созиданіе такого революціоннаго анархическаго меньшинства, которое *во время революціи* содѣйствовало бы расширенію и углубленію нашихъ идей въ широкихъ рабочихъ массахъ".

Исходя въ своемъ опредѣленіи революціи изъ положенія о творческой роли въ ней иниціативнаго меньшинства, т. Ф. А. совершенно послѣдовательно приходитъ къ заключенію о безцѣльности и ненужности нашей работы въ синдикатахъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ:

„...если созиданіе сознательнаго анархическаго меньшинства есть одна изъ насущныхъ задачъ анархическаго движенія, то отнюдь не синдикаты *являются* таковыми. *Игнорируя* синдикаты, вовсе не удаляешься отъ рабочихъ массъ. Въ синдикатахъ концентрирована лишь *меньшая* часть рабочихъ массъ, а широкія пролетарскія массы находятся внѣ нихъ.

„На фабрикахъ, заводахъ, на улицѣ мы можемъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ рабочими массами, внѣ вліянія повседневно-конкретнаго профессіонализма".

Правъ ли т. Ф. А. въ своемъ утвержденіи, что синдикаты для насъ излишни и что ихъ нужно игнорировать? Нѣтъ, неправъ. Одно изъ двухъ: либо намъ нужна масса и тогда мы должны стремиться входить съ нею въ общеніе всюду, гдѣ только она имѣется, *въ томъ числѣ и въ синдикатахъ*, — больше того, тогда мы не имѣемъ никакого права *игнорировать* синдикаты; либо масса намъ не нужна, тогда намъ нечего искать соприкосновенія съ ней и внѣ узкихъ рамокъ синдиката, на улицѣ. Но т. Ф. А. самъ утверждаетъ, что масса нужна. Ошибка его заключается не въ томъ, что онъ недооцѣниваетъ значенія массы какъ *физическаго* фактора революціи, а въ недооцѣнкѣ ея *сознательно-творческой идейной* роли въ періодъ революціоннаго строительства и въ неправильномъ опредѣленіи синтеза самой революціи.

Въ революціи необходимо различать два дѣйственныхъ момента: *возстаніе*, стремящееся къ разрушенію старыхъ формъ, противъ которыхъ революція возникла, и *строительство*, ставящее себѣ положительную задачу замѣны старыхъ формъ новыми. Только въ этомъ смыслѣ духъ разрушающій и можетъ быть духомъ созидающимъ. Существованіе старыхъ формъ — причина революціи, ихъ уничтоженіе и созданіе новыхъ — ея цѣль. Революціонныя массы возстаютъ для разрушенія старыхъ формъ отнюдь не инстинктивно, а *сознательно*, послѣ того, какъ онѣ *познали*, что эти старыя формы для нихъ больше непригодны. Но въ то же время революціонныя массы *должны знать*, чего онѣ хотятъ отъ революціи, т. е. какими новыми формами нужно замѣнить старыя. Онѣ должны быть не безвольнымъ стадомъ, которое лишь инстинктивно, благодаря присутствію какого то классоваго *чутья*, идетъ за сознательнымъ „иниціативнымъ меньшинствомъ", а могущественной и самостоятельной *идейной* единицею, насквозь пропитанной единымъ *классовымъ сознаніемъ* и единой *классовой волей*. Только такое коллективное творчество можетъ привести къ успѣху. Горе революціи, громадное большинство физическихъ участниковъ которой *не сознаетъ* совершенно опредѣленно, къ чему оно стремится, — такая революція впередъ обречена на полное пораженіе. П. А Кропоткинъ глубоко правъ, говоря въ „Великой Французской Революціи":

„Въ то время, какъ у просвѣщенной буржуазіи освободительныя идеи находили себѣ выраженіе въ цѣлой программѣ политической и экономической организаціи, — идеи народнаго освобожденія и экономическихъ преобразованій преподносились народу лишь въ формѣ неясныхъ тяготѣній къ *чему то*. Нерѣдко въ нихъ ничего не было, кромѣ простого отрицанія. Тѣ, которые обращались къ народу, не старались выяснить, въ какую конкретную форму могутъ вылиться эти пожеланія или эти отрицанія. Они даже, какъ будто, не хотѣли выражаться болѣе точно. Сознательно или безсознательно они какъ будто думали: „Къ чему говорить народу о томъ, какъ организоваться въ будущемъ? Это только охладитъ его революціонный порывъ. Пусть только у него хватитъ силъ для нападенія на старыя учрежденія. А тамъ видно будетъ, какъ устроиться.

Сколько соціалистовъ и анархистовъ разсуждаютъ по сію пору такимъ же образомъ...

Это отсутствіе у народа *яснаго* понятія о томъ, чего онъ можетъ ждать отъ Революціи, наложило свой отпечатокъ на все движеніе. Въ то время, какъ буржуазія шла твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ обоснованію своей политической власти въ государствѣ... народъ колебался. Особенно въ городахъ онъ вначалѣ даже какъ будто не зналъ, какъ воспользоваться въ своихъ интересахъ завоеванной властью. А когда впослѣдствіи проекты аграрныхъ законовъ и уравненія состояній стали намѣчаться болѣе ясно, имъ пришлось столкнуться съ собственническими предразсудками, которыми были проникнуты даже люди, искренно ставшіе на сторону народа.

Подобное же столкновеніе произошло и въ понятіяхъ о политическомъ устройствѣ государства... Изъ этого источника произошелъ цѣлый рядъ кровавыхъ столкновеній, вспыхнувшихъ при Конвентѣ. *Изъ этого же произошла неопредѣленность результатовъ Революціи для народа....*"

Эта цитата отвѣчаетъ товарищу Ф. А. также и на его утвержденіе, что нашей задачею является созданіе анархическаго меньшинства, которое *во время революціи* содѣйствовало бы расширенію и углубленію нашихъ идей въ широкихъ рабочихъ массахъ. Во время революціи — уже поздно; во время революціи наши идеи, если мы хотимъ, чтобы онѣ восторжествовали, должны *уже быть* близкими значительному количеству революціонной массы. Мы должны быть идейно восприняты массой уже къ моменту начала революціи, ибо во время революціоннаго процесса не вырабатываются, а воплощаются массою въ жизнь *заранѣе воспринятыя* ею идеи. Поэтому нашей задачей въ настоящее время вовсе не является только созиданіе такого идейнаго меньшинства, которое распространяло бы въ массахъ анархическія теоріи во время революціи, но и немедленная анархическая подготовка самихъ массъ къ соціальной революціи въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ. Необходимо, чтобы коллективное творчество было дѣйствительно коллективнымъ, чтобы всѣ *знали*, къ чему они должны стремиться, чтобы по возможности каждый *сознательно* творилъ свое будущее. Только тогда это будущее сможетъ быть прочнымъ.

Но сознательность рабочихъ массъ можетъ быть очень различной. Не говоря уже о деталяхъ, она можетъ быть государственнической или *анархической*. И если мы хотимъ, чтобы ближайшая революція совершилась и завершилась въ предѣлахъ нашихъ лозунговъ, то мы должны стремиться къ тому, чтобы сознательность массъ была пропитана *нашими* идеями, чтобы *содержаніе* сознательности возставшихъ и творящихъ массъ было *анархическимъ*. Одной только сознательности, какъ абстрактнаго понятія, еще далеко недостаточно, а важно ея конкретное идейное содержаніе. И на сколько оно важно, блестяще доказали событія послѣдняго времени: едва ли нужно доказывать, что сознаніе „классовой противоположности" у нѣмецкаго рабочаго выше, чѣмъ у любого другого. Но въ основу его были заложены не принципы пролетарскаго интернаціонализма, не практическіе лозунги классоваго непосредственнаго дѣйствія, а ложныя представленія соціальдемократіи о соціальномъ преобразованіи черезъ національно-демократическое государство.

При этомъ всегда надо помнить, что двойственный характеръ революціи, состоящей изъ элементовъ возстанія и строительства, дѣлаетъ для насъ необходимымъ развивать нашу дѣятельность по двумъ направленіямъ: въ сторону воспитанія въ массахъ революціоннаго *духа возстанія* и въ сторону выработки въ нихъ *анархической*, антигосударственной *сознательности*. Оба эти момента заключаются цѣликомъ въ самой сущности анархической идеологіи, они также заключаются потенціально и въ логикѣ классовой борьбы, и нашей постоянной задачей должно быть стремленіе *одухотворить* инстинктивную революціонность рабочихъ массъ, чтобы завтрашняя революція носила пролетарскій, *классовый* характеръ, чтобы ея классовая *цѣлеустремительность* выразилась въ *сознательно*-народномъ творчествѣ. Одной лишь „инстинктивной революціонности" возставшихъ массъ, даже синтезированной съ самой блестящей сознательностью „иниціативнаго меньшинства", для *творчества* недостаточно. Это въ лучшемъ случаѣ можетъ привести къ „неопредѣленности результатовъ революціи для народа", о которой говоритъ П. А. Кропоткинъ, а въ худшемъ — къ полному народному пораженію. Не забудемъ также, что по нашимъ понятіямъ народное творчество не можетъ быть навязано народу, а должно выполняться *снизу вверхъ*. И поэтому тоже результаты творчества революціоннаго народа будутъ анархическими не потому, что они навязаны массѣ „сознательнымъ меньшинствомъ", а только тогда, если значительная часть самой массы пойдетъ въ революцію *сознательно* за осуществленіе анархическихъ лозунговъ. Роль иниціативнаго меньшинства тоже очень велика, она громадна какъ въ настоящее время, такъ и въ первый періодъ революціи, — въ моментъ возстанія. Но во второй періодъ революціи, имѣющій *творческія* задачи, иниціатива и выполненіе должны принадлежать сознательной массѣ самой. Противъ нея даже архисознательнѣйшее меньшинство не сможетъ ничего сдѣлать. Это, конечно, не значитъ, что надо идти „съ массой" во что бы то ни стало, только потому, что она — масса и что воля ея суверенна. Но это значитъ, что мы должны стараться еще *до* революціи, чтобы къ моменту начала революціи масса была *съ нами*. Приводить ее къ анархизму, — вотъ въ чемъ наша задача сегодняшняго дня.

А для этого нужно идти непосредственно въ рабочую массу, нужно идти къ ней всюду, гдѣ бы она ни находилась, въ томъ числѣ и въ синдикаты, совершенно не опасаясь вліяній „повседневно-конкретнаго профессіонализма". Отъ этого послѣдняго рабочихъ все равно не уберечь, ибо даже самое упорное игнорированіе синдикатовъ не сможетъ его уничтожить: онъ будетъ существовать вплоть до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать конкретность и повседневность буржуазнаго способа производства. Наоборотъ, вліяніе въ синдикатахъ всего повседневно-конкретнаго будетъ трансформироваться въ сторону *революціонности*, поскольку синдицированныя массы производителей подъ вліяніемъ нашей пропаганды будутъ постепенно все больше проникаться сознаніемъ, что ихъ повседневно-конкретныя невзгоды зависятъ не отъ частныхъ условій той или другой профессіи, а отъ *общихъ* причинъ капиталистическаго способа производства.

Вотъ содержаніе нашего „синдикализма" и вотъ въ какомъ смыслѣ мы „синдикалисты" или, выражаясь точнѣе, просто анархисты, стоящіе на классовой точкѣ зрѣнія и являющіеся сторонниками участія анархистовъ въ рабочихъ синдикатахъ. Установивъ это, перейдемъ къ синдикализму какъ таковому.

II.

Анархизмъ и синдикализмъ — понятія двухъ совершенно различныхъ категорій. Они не могутъ ни пополнить, ни исключить другъ друга. Анархизмъ — законченное соціально-политическое *міровоззрѣніе*, синдикализмъ же — только одна изъ *организаціонныхъ* разновидностей рабочаго движенія. Условія экономической борьбы съ предпринимателями толкаютъ рабочихъ на путь организаціи по отдѣльнымъ профессіямъ, точно также какъ условія политической борьбы противъ Капитала, какъ совокупности предпринимателей, заставляютъ ихъ объединяться подъ политической крышей той или другой политической пертіи. Поэтому Малатеста совершенно правъ, утверждая, что синдикатъ развивается по линіи, начертанной капитализмомъ, и что онъ — порожденіе капиталистическаго строя. Но было бы идеологической ошибкой сказать, что синдикатъ — органъ борьбы *съ капиталистическимъ строемъ* въ его же рамкахъ. Это несомнѣнная переоцѣнка роли и значенія синдиката, который можетъ бороться только съ отдѣльными предпринимателями въ узкихъ рамкахъ своей профессіи и только въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, которые опредѣляются экономическими взаимоотношеніями между капиталомъ и трудомъ въ данной, относящейся къ этому синдикату, профессіи. Борьба же съ *капиталистическимъ строемъ* есть борьба *политическая* и, какъ таковая, синдикатами вестись не можетъ, ибо синдикаты — организація не политическія, а экономическія. Въ нихъ, какъ таковыхъ, нельзя и не слѣдуетъ искать единства *политической* воли, ибо они объединяютъ самую разношерстную въ идейномъ отношеніи массу не по ея политическимъ признакамъ, а только по ея экономическому положенію. Конечно, можетъ случиться, что одинъ какой нибудь синдикатъ или совокупность синдикатовъ выступаютъ за то или другое политическое требованіе. Но тогда уже они выступаютъ не какъ *профессіональныя* организаціи, а, наоборотъ, на время присоединенія ихъ къ политической борьбѣ теряютъ свое основное свойство экономическихъ организацій; однако впослѣдствіи они очень быстро опять переходятъ къ этому своему первоначальному назначенію. Можетъ также случиться, что группа синдикатовъ принимаетъ какую нибудь политическую революцію или даже цѣлую платформу политической партіи. Но *въ практикѣ* это мало отзывается на характерѣ синдикальной дѣятельности. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о политической зрѣлости членовъ данной синдикальной группы, указываетъ на высокую личную сознательность ихъ, но не дѣлаетъ самого синдикализма тѣмъ, чѣмъ онъ не можетъ быть, не отнимаетъ отъ него признаковъ „повседневно-конкретнаго профессіонализма", освободиться отъ котораго онъ не можетъ уже потому, что его развитіе идетъ по линіи, начертанной капитализмомъ. Тов. Оргеіани тоже правъ, когда говоритъ, что между синдикатами и капитализмомъ такая же связь, какъ между слѣдствіемъ и причиной. Но именно потому, что связь между ними такъ закономѣрна и такъ неразрывна, нѣтъ никакихъ основаній сѣтовать отъ всего того, что намъ порою въ синдикализмѣ не нравится. Я даже иду дальше т. Оргеіани и утверждаю, что всякая современная революціонная организація, борющаяся съ капитализмомъ, тоже есть порожденіе капиталистическаго строя, дѣйствующее въ его же рамкахъ. Но не отъ этого же зависитъ ихъ право на существованіе и степень приносимой ими пользы.

Можно ли считать синдикаты тѣмъ факторомъ, который „на слѣдующій день послѣ революціи" долженъ организовать производство на коммунистическихъ началахъ? Я тоже думаю, что нельзя. Исторія происходившихъ до сихъ поръ революцій показываетъ намъ, что творческая роль выпадаетъ въ революціонный періодъ на долю новыхъ организацій, возникающихъ въ процессѣ народной борьбы и гармонирующихъ съ новыми условіями. Но т. Оргеіани и самъ заявляетъ, что вопросъ этотъ съ нашимъ міровоззрѣніемъ ни въ какой связи не находится и для настоящаго времени значенія не имѣетъ. Оставимъ же его пока.

Болѣе важенъ другой вопросъ. Если синдикаты *по существу* своему не могутъ отступить отъ экономической борьбы за частичныя улучшенія или, какъ мы называемъ это, за минимальныя требованія, то какъ относиться намъ, анархистамъ, къ этой борьбѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ взаимоотношенія между синдикализмомъ и капитализмомъ съ одной стороны, и между синдикализмомъ и анархизмомъ съ другой. Взаимоотношеніе между капиталомъ и трудомъ дѣлаетъ повседневную борьбу рабочихъ съ предпринимателями неизбѣжной, причемъ совершенно ясно, что эта минималистическая борьба по своему содержанію ничего общаго съ анархизмомъ не имѣетъ. Но синдикальное дѣйствіе, какъ методъ, является единственнымъ *непосредственнымъ* методомъ классоваго дѣйствія, единственнымъ способомъ дѣйствительно *классовой* борьбы, въ противоположность парламентаризму, въ которомъ рабочій классъ выступаетъ не самостоятельно, а черезъ оплачиваемыхъ буржуазнымъ государствомъ представителей, и не какъ борецъ, а какъ слуга своего господина. Поэтому для насъ, анархистовъ, методъ непосредственнаго классоваго дѣйствія, практикуемый рабочими черезъ ихъ синдикальныя организаціи, имѣетъ большое значеніе. Онъ учитъ массы, что онѣ даже въ борьбѣ за частичныя улучшенія не должны разсчитывать на помощь со стороны государства, парламента и церкви, а могутъ добиться осуществленія своихъ требованій только путемъ самостоятельныхъ революціонныхъ выступленій. Всякое непосредственное дѣйствіе является для массъ не только школою революціонной борьбы, но и временнымъ приближеніемъ къ анархизму, ибо рабочій классъ, выступая непосредственно, каждый разъ нарушаетъ рамки буржуазной законности, охраняемой и установленной государствомъ. Выступая *революціонно* противъ капиталистовъ, онъ нарушаетъ установленные государствомъ способы для урегулированія взаимоотношеній между капиталомъ и трудомъ и тѣмъ самымъ, даже борясь за минимальныя требованія и *несмотря на это*, соединяетъ профессіональную борьбу съ борьбою противъ государства. Это — внутренняя логика непосредственнаго классоваго дѣйствія, порою даже не сознаваемая самими борцами.

Я не сказалъ бы, что „революціонный синдикализмъ значительно измѣнился къ худшему". Измѣняется, вѣрнѣе — принимаетъ различныя формы проявленія не *революціонный* синдикализмъ, а *вообще* синдикализмъ. Это происходитъ вслѣдствіе все той же, указанной Малатеста, неразрывной связи между синдикализмомъ и капитализмомъ и вслѣдствіе ихъ взаимодѣйствія другъ на друга. Не говоря уже о моментахъ усталости рабочаго класса, о моментахъ психической депрессіи, являющихся психологической причиною временной утраты синдицированными рабочими ихъ революціонности, въ исторіи бываютъ цѣлые и очень длительные періоды затишья во взаимоотношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, вытекающіе изъ общихъ экономическихъ условій. Немалое вліяніе на формы проявленія борьбы оказываетъ и степень сознательности массъ и содержаніе этой сознательности, т. е. та идеологія, которая преобладаетъ въ данное время въ рабочей средѣ. Конечно, всегда можно быть увѣренными, что вѣчнаго мира между капиталомъ и трудомъ не будетъ и что внутренніе законы производства опять приведутъ къ нарушенію временнаго равновѣсія. Тогда синдикализмъ изъ относительно мирнаго, реформистскаго опять перейдетъ въ стадію революціонности. Перманентная революція — внутренній, скрытый отъ насъ процессъ, вытекающій изъ самихъ условій производства, а не изъ постоянства революціоннаго броженія въ массахъ. Опираясь на этотъ терминъ, можно строить какіе угодно красивые софизмы по марксистскому шаблону. Но *на практикѣ* такъ же не можетъ существовать *постояннаго* революціоннаго синдикализма, какъ не существуетъ и постоянной революціонности массъ, иначе буржуазное производство уже давно перестало бы существовать и мы уже давно наслаждались бы благами соціальнаго строя. Революціонный синдикализмъ какъ красивое иллюзорное построеніе еще допустимъ, но какъ *перманентная стадія* рабочаго движенія онъ абсолютно невозможенъ. Въ жизни есть *просто синдикализмъ*, который, въ зависимости отъ всей совокупности условій, дѣйствующихъ въ опредѣленный историческій моментъ, *можетъ* быть и революціоннымъ, и *реформистскимъ*, и даже консервативнымъ. Вообще же, мы анархисты вовсе не потому, революціоненъ ли въ данный моментъ синдикализмъ или нѣтъ, а въ зависимости отъ нашего конечнаго идеала. Поэтому у насъ нѣтъ никакихъ основаній огорчаться временной и неизбѣжной нереволюціонностью синдикатовъ: нашъ анархизмъ отъ этого право же не померкнетъ и не испортится! Не надо только создавать неживненныхъ, хотя бы даже и очень стройныхъ теорій, тогда не придется и разочаровываться. А къ таковымъ относится и теорія о „революціонномъ синдикализмѣ", какъ о классово-пролетарскомъ *міросозерцаніи*. Синдикализмъ всегда будетъ только тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ: *не міросозерцаніемъ, а организаціонной формою экономической рабочей борьбы.*

Революціонная же соціально-политическая борьба за измѣненіе существующаго порядка ведется не синдикатами, какъ профессіональными организаціями, а болѣе широкой категоріей — народомъ, въ томъ числѣ и не входящими въ синдикаты рабочими. Поэтому для насъ, въ смыслѣ приложенія къ этой революціонной борьбѣ, синдикаты имѣютъ во-первыхъ организаціонно- и революціонно-воспитательное значеніе, во-вторыхъ же они являются тѣми массовыми учрежденіями, черезъ которыя мы соприкасаемся съ производителями и въ которыхъ мы, благодаря вносимой нами туда пропагандѣ, пріобрѣтаемъ возможно большее количество *сознательныхъ* сторонниковъ анархическаго міросозерцанія и *сознательныхъ* борцовъ за анархическій идеалъ.

Александръ Ге.

ЗАМѢТКИ.

I. О варварствѣ безъ кавычекъ.

Вся французская пресса безъ исключенія и часть англійской не перестаютъ говорить о варварствѣ нѣмцевъ въ Бельгіи и французскихъ департаментахъ, ими занятыхъ. Французское правительство даже выпустило спеціальный „докладъ" о жестокостяхъ нѣмцевъ въ сѣверныхъ провинціяхъ страны. Все это дѣлается, конечно, для обработки *„общественнаго мнѣнія"* какъ самой Франціи, такъ и нейтральныхъ странъ. Русская пресса не отстаетъ отъ своихъ „демократическихъ союзниковъ" и тоже со свойственнымъ ей пристрастіемъ рисуетъ всѣ ужасы нашествія на Европу нѣмецкихъ Гунновъ. Участіе Россіи въ этой войнѣ на сторонѣ Франціи и Англіи *„облагораживается"* этими послѣдними именно какъ совмѣстная борьба съ новымъ „антихристомъ", пришедшимъ на землю. При этомъ демократическія союзницы дѣлаютъ видъ, что не только *внутри самой Россіи*, но и въ способахъ ея *внѣшняго веденія войны* все обстоитъ совсѣмъ благополучно.

Въ прессѣ уже нѣсколько разъ проскальзывали сообщенія о томъ, какимъ образомъ русское побѣдоносное воинство совершаетъ свое „освободительное шествіе". Теперь передъ нами новый документъ, неоспоримыми фактами характеризующій результаты борьбы вседоспасительницы Россіи за освобожденіе Бельгіи изъ-подъ ярма ненавистнаго Европѣ прусскаго юнкерства. Всѣ ужасаются мысли, что Бельгія будетъ аннексирована, что германскій кулакъ задавитъ своею тяжестью эту страну, но позорно молчатъ передъ неоспоримымъ фактомъ, что союзный русскій кровавый кулакъ еще раньше окончанія войны *уже присоединилъ* себѣ цѣлую область, — Галицію. (Вѣдь это тоже нарушеніе гаагской конвенціи, господа министры изъ соціалистовъ!)

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Заграничнымъ Комитетомъ Польской Соціалистической Партіи на основаніи данныхъ изъ однѣхъ только подцензурныхъ газетъ, положеніе дѣлъ въ Галиціи обстоитъ слѣдующимъ образомъ:

Страна уже раздѣлена на отдѣльныя губерніи по русскому образцу и тамъ уничтожены тѣ крупицы свободнаго внутренняго управленія, какъ автономный сеймъ и другія учрежденія, которыми пользовалась эта область до сихъ поръ *).

---

*) Остается секретомъ, какимъ образомъ М. Коринъ, защищая по-

Всѣ должности замѣщены „своими людьми“. Введенъ исключительно русскій языкъ. Еврейскій, украинскій и польскій языки страшно преслѣдуются. Школы всецѣло превращены въ средство народнаго затемнѣнія по извѣстному русскому образцу, всѣ учителя смѣщены и опять-таки замѣнены „своими“. Общества и кооперативы закрыты. Зато цѣлыя полчища „миссіонеровъ“ наводняютъ страну. Такъ вводится духовная руссификація!

Этимъ дѣло, однако, не ограничивается. Храброе казачество сумѣло водворить въ Галиціи невѣдомый тамъ доселѣ истинно-русскій терроръ. Изъ 28 перечисленныхъ мѣстечекъ и городовъ только пять были пощажены, остальные разгромлены или сожжены до тла. Та же участь уничтоженія постигла и памятники старины и искусства (Лувенъ, Реймсъ!! — о, лицемѣры!) Всѣ сельско-хозяйственныя территоріи систематически опустошаются, чтобы терроризировать собственниковъ и принудить ихъ продавать имѣнія за безцѣнокъ русскому Земельному Банку, вводящему въ Галиціи колонизацію изъ Сибири. Земли евреевъ, оставшіяся временно безъ хозяевъ, просто конфискуются. Но это еще не все. Дальше мы читаемъ въ докладѣ: въ нѣсколькихъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ напримѣръ, въ Бродахъ, Равѣ Русской, Жортовкѣ, Гарнобжегѣ, Коломеѣ, Тарнополѣ и даже въ предмѣстьяхъ Львова были устроены настоящіе еврейскіе погромы. *Дома евреевъ были разграблены, подожжены, многіе жители были убиты. Женщины изнасилованы**).

Таковы результаты нашествія „освободительнаго“ русскаго царизма. И объ этомъ не только буржуазная пресса Франціи и Англіи, но и значительная часть соціалистовъ этихъ странъ позорно умалчиваютъ. Но молчатъ не только они. Русскіе соціалъ-патріоты, такъ много говорящіе намъ о несчастной Бельгіи, ни разу не упоминаютъ о безчеловѣчныхъ звѣрствахъ *русскихъ* „гунновъ“. Объ этомъ *глубокомысленно* молчитъ и та небольшая горсточка русскихъ панархо-атріотовъ, которые связали судьбу своего анархизма съ побѣдой или пораженіемъ тройственнаго согласія!

II. Анархисты и синдикалисты Германіи и война.

Съ января мѣсяца 1915 года въ Цюрихѣ выходитъ новая соціалистическая газета „Der Revoluzer“ (Бунтарь). Она издается той небольшой группой лѣвыхъ соціалистовъ-оппозиціонеровъ швейцарской соціальдемократической партіи, которая связана съ именемъ Брупбахера **). Оставаясь все время въ лонѣ соціальдемократической партіи, эта группа, однако, старалась проводить въ рабочую среду Швейцаріи идеи революціоннаго соціализма и анархо-синдикализма.

„Der Revoluzer“ занимаетъ ясно выраженную революціонно-интернаціоналистическую позицію. На самомъ простомъ и для мѣстныхъ рабочихъ вполнѣ понятномъ языкѣ онъ говоритъ о кризисѣ рабочаго движенія и соціальдемократическихъ партій и зоветъ рабочій классъ къ самопознанію и къ борьбѣ за свое освобожденіе. Онъ призываетъ къ разрыву съ націоналистическимъ соціализмомъ. Газета начинаетъ пріобрѣтать популярность въ рабочей средѣ и ненависть въ средѣ оффиціальной соціалистической партіи, которая до сихъ поръ замалчиваетъ умышленно это изданіе, несмотря на запросы со стороны организованныхъ рабочихъ. Этотъ фактъ замалчиванія удивительно характеренъ для оффиціальнаго швейцарскаго соціализма, который хотя и пытается время отъ времени тоже сказать пару словъ о кризисѣ, но все топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ.

„Der Revoluzer“ ядовито насмѣхается надъ пошлымъ оффиціальнымъ соціализмомъ. Онъ подмѣчаетъ главные факты соціалистической дѣйствительности, разоблачаетъ ихъ и преподноситъ рабочимъ. Вотъ почему факты, имъ сообщаемые, пріобрѣтаютъ особое значеніе. Въ майскомъ номерѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку о Германіи:

Дозволенное и запрещенное.

„Когда разразилась война, то первымъ шагомъ нѣмецкихъ верховнокомандующихъ было разрѣшеніе *посылать въ армію соціалистическія газеты*. Они ожидали отъ этой мѣры усиленія боевыхъ способностей нѣмецкаго солдата. Одновременно правительство разрѣшило продажу Vorwärts'а на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ надеждѣ этимъ укрѣпить внутреннее спокойствіе страны. И для той же цѣли соціальдемократическіе вожаки были размѣщены на хорошо оплачиваемыхъ государственныхъ службахъ.

Въ противоположность этому были немедленно запрещены:

Der Freie Arbeiter (анархистская газета), Берлинъ.

Der Kampf (анархо-синдикалистская газета), Гамбургъ.

Die Einigkeit (синдикалистская газета), Берлинъ.

Der Pionier (синдикалистская газета), Берлинъ.

Der Sozialist, Ландауера, по преимуществу литературный органъ свободнаго направленія, не выходитъ пока, такъ какъ его издатель и наборщикъ мобилизованы.

Далѣе всѣ извѣстные анархисты были немедленно поставлены подъ строжайшій надзоръ съ запретомъ почтовыхъ сношеній (Briefsperre). Въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Мюльгаузенѣ, Страсбургѣ, Дюссельдорфѣ, Крефельдѣ и Кельнѣ находится до 50 анархистовъ въ тюрьмахъ. Изъ другихъ городовъ нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній о судьбѣ, постигшей анархистовъ. Мы предоставляемъ читателямъ сдѣлать логическіе выводы изъ этихъ фактовъ.

Все же старый спорный вопросъ о томъ, кто больше является опорой государства — анархисты или соціальдемократы, долженъ теперь быть ясенъ каждому.“

Эта небольшая статейка, напечатанная не въ анархической газетѣ, а въ искренне революціонно-интернаціоналистическомъ соціалистическомъ органѣ, можетъ служить недурной иллюстраціей того „кризиса“ анархическаго Интернаціонала, о которомъ такъ много кричатъ соціальдемократы, желая прикрыть идейный развалъ и матеріальный крахъ соціальдемократическаго Интернаціонала.

Рабочій Альфа.

P. S. „Замѣтки“ эти были уже набраны, когда вышелъ № 8 Информаціоннаго Листка Бунда, содержащій дополнительныя свѣдѣнія къ тѣмъ, которыя приводитъ П. П. С. Кровь леденѣетъ при чтеніи объ ужасахъ, которые русскій царизмъ совершаетъ надъ еврейскимъ населеніемъ Польши. Тоже только на основаніи свѣдѣній, взятыхъ изъ подцензурныхъ газетъ, Информаціонный Листокъ приводитъ еврейскій мартирологъ, передъ которымъ ничтожными кажутся тѣ звѣрства, свидѣтелями которыхъ мы до сихъ поръ были въ Россіи, и по сравненію съ которыми „варварства“ нѣмцевъ въ Бельгіи лишь жалкая, слабенькая пародія.

Такъ совершаетъ свое „побѣдное“ шествіе русское казачество, предводительствуемое своими доблестными офицерами-погромщиками, при неумолчныхъ рукоплесканіяхъ „общественнаго мнѣнія“ въ странахъ „свободы, равенства и братства“ („наслѣдіе прошлаго“?) и при позорномъ умалчиваніи со стороны тѣхъ соціалистовъ странъ Тройственнаго Согласія, которые до войны воздавали должное русскому царизму и его „освободительнымъ“ тенденціямъ, а теперь ослѣпли на лѣвый глазъ и видятъ только „звѣрства“, учиняемыя „нѣмецкими гуннами“.

Р. А.

зицію французскихъ синдикалистовъ и нѣкоторыхъ анархистовъ, ставшихъ на защиту *болѣе свободной* Франціи — республики — отъ нападенія на нее монархической Германіи, примиряетъ со своей „теоріей“ тотъ фактъ, что эту республику русскій царизмъ защищаетъ посредствомъ грубѣйшаго захвата и изнасилованія относительно болѣе свободной австрійской провинціи, Галиціи. Неужели наши соціаль-патріоты не видятъ всю теоретическую несостоятельность ихъ желанія *оправдать* свой шовинизмъ, несостоятельность даже съ точки зрѣнія ихъ сомнительной для анархизма теоріи анархическаго республиканизма? Не говоря уже о томъ, что эта позиція ничего общаго не имѣетъ не только съ анархизмомъ, но даже съ искреннимъ революціоннымъ соціализмомъ. (Болѣе подробно объ этомъ см. статью т. Овода въ этомъ же номерѣ). *Р. А.*

*) Это мѣсто спеціально рекомендуется В. Черкезову, который на мартовскомъ митингѣ этого года въ Лондонѣ выдвинулъ новую тактику для анархизма: „долгъ человѣка и мужчины защищать женщинъ и дѣтей, которыя насилуются и убиваются германцами“ (см. „Р. З.“ № 2). А женщины и дѣти, которыя убиваются и насилуются русскимъ „освободительнымъ“ казачествомъ?!! *Р. А.*

**) Не нужно смѣшивать эту дѣйствительную оппозицію съ оппозиціей партіи, которая ведется ортодоксальнымъ крыломъ — малочисленными „лѣвыми марксистами“ съ Гриммомъ и Berner Tagwacht во главѣ. Они уже давно критикуютъ оппортунистовъ, но вмѣстѣ съ ними продолжаютъ дѣлать ихъ дѣло, лишь сопровождая свой собственный оппортунизмъ революціонными словами изъ ортодоксальнаго лексикона.

КОНФЕРЕНЦІЯ АНГЛІЙСКИХЪ АНАРХИСТОВЪ.

Какъ сообщаетъ „Арбейтерфрейндъ“, наши англійскіе товарищи нѣсколько недѣль тому назадъ устроили свою ежегодную очередную Конференцію. Въ настоящій моментъ торжества мрачнѣйшей реакціи, сопровождающейся всеобщимъ опошленіемъ „международнаго“ соціализма, когда почти заглохло всякое революціонное слово, это — очень отрадное явленіе. Оно указываетъ, что истинный революціонный духъ не можетъ быть растоптанъ ни солдатскимъ сапогомъ ни „идейнымъ“ давленіемъ всякихъ современныхъ партійныхъ и безпартійныхъ носителей „цивилизацій и культуры“.

На Конференціи было детально разработано два вопроса: о войнѣ и о возрожденіи анархическаго Интернаціонала.

По вопросу о войнѣ Конференція цѣликомъ осталась на революціонной, антимилитаристской позиціи и подтвердила старую анархическую истину, что принимать какое бы то ни было участіе въ войнѣ можно только, нарушая принципы анархизма и измѣняя имъ. Конференція высказала порицаніе тѣмъ, хотя и очень малочисленнымъ, товарищамъ, которые приняли участіе въ войнѣ, приняла постановленіе о необходимости антимилитаристской пропаганды и послала свой братскій привѣтъ товарищамъ въ Германіи и другихъ воюющихъ странахъ, оставшихся вѣрными нашимъ принципамъ антимилитаризма и рабочаго интернаціонализма.

Конференція удѣлила большое вниманіе вопросу объ анархическомъ Интернаціоналѣ, и, что очень важно, рекомендовала англійскимъ организаціямъ уже теперь войти въ сношеніе съ иностранными группами. Это очень цѣнно какъ мѣропріятіе, направленное къ *немедленной* организаціи въ международномъ масштабѣ уже сейчасъ, во время войны.

Къ сожалѣнію „Арбейтерфрейндъ“ не приводитъ ни подробнаго отчета о Конференціи, ни резолюцій по всѣмъ вопросамъ, подлежавшимъ на ней обсужденію. Это, конечно, не его вина....

А—ша Ц—ій.

Мы предприняли всѣ необходимые шаги для болѣе подробнаго ознакомленія товарищей съ работами Конференціи и надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать о ней дополнительныя свѣдѣнія.

Ред.

ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ.

. . . . , 31 марта (13 апрѣля) 1915.

Дамъ Вамъ пока нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о томъ, что творится у насъ на Руси. Царская банда свирѣпствуетъ и всячески старается извести крамолу. Вы читали о судѣ надъ с.-д. депутатами. Добавлю къ этому еще кое-что. У Муранова нашли дневникъ, въ которомъ онъ называлъ посѣщенные имъ города, адреса и имена лицъ, съ которыми установлены связи. Говорятъ, что по найденнымъ у него адресамъ произведены обыски и арестовано до 2000 человѣкъ. Словомъ, соціальдемократовъ основательно разгромили. Сейчасъ охотятся за с-р'ами. Аресты произведены въ Питерѣ, Москвѣ, Смоленскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Смоленскѣ нѣкоторые с-ры однажды ночью расклеили по всему городу антимилитаристскія прокламаціи, отсюда и началась за ними ловля.

Въ концѣ 1914 г. въ Питерѣ разгромили организацію анархистовъ-коммунистовъ.

Солдаты жаждутъ мира и, оправившись отъ ранъ, очень неохотно идутъ во второй разъ на передовыя позиціи. Революціонныя организаціи забрасываютъ армію своими прокламаціями. Нѣмцы тоже подвизаются на этомъ поприщѣ и *этимъ очень мѣшаютъ революціонной пропагандѣ*.

Въ Красномъ Крестѣ оперируетъ московская знаменитость Рейнботъ. Носятся слухи, что онъ вмѣстѣ съ своими друзьями уже успѣлъ присвоить не то два, не то двѣнадцать милліоновъ руб. Какъ разсказываютъ, иногда посылки, предназначенныя для солдатъ, продаютъ съ аукціона и деньги идутъ въ карманы царской банды... Больше въ слѣдующій разъ.

Х.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Дорогіе товарищи!

Извѣщаю Васъ объ участи нашихъ товарищей изъ Союза Русскихъ Рабочихъ города Ири, Пенсильванія. Здѣсь произошелъ взрывъ одного дома, жертвою котораго палъ одинъ человѣкъ. Ввиду того, что наши товарищи просвѣщали несознательныхъ рабочихъ и говорили правду людямъ, подозрѣніе было направлено на нихъ и начались аресты. Однако они просидѣли въ тюрьмѣ только 9 дней, послѣ чего ихъ выпустили, но подъ условіемъ, чтобы всѣ, которые были арестованы, выѣхали изъ города въ 24 часа и чтобы въ будущемъ не существовало больше въ городѣ никакой русской организаціи. Такимъ образомъ, всѣ они должны были выѣхать изъ Ири, но нашего святого дѣла они, конечно, не оставятъ несмотря ни на какіе аресты.

Совершенно ясно, что все „дѣло“ со взрывомъ — ничто иное, какъ провокація полиціи и властей, которые не могутъ переносить свѣтлыхъ лучей нашей правды и вліянія ея на рабочихъ и благодаря этому старались во что бы то ни стало разрушить нашу организацію.

Да, товарищи, наше дѣло здѣсь трудное, но тѣмъ болѣе мы должны энергично работать среди рабочихъ массъ и съ рѣшимостью преодолѣвать всѣ трудности, какія-бы ни встрѣчались на на нашемъ пути.

Да здравствуетъ Коммунистическій Анархизмъ!

Съ братскимъ привѣтомъ И. А—чъ.

Erie, Pa, U. S. A.
4 мая 1915.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Дорогіе товарищи!

Просимъ васъ удѣлить мѣсто на страницахъ вашей газеты слѣдующимъ строкамъ:

Несмотря на всю рѣзкость принципіальной полемики, которая неизбѣжно должна была возникнуть ввиду появленія въ анархизмѣ новаго теченія, такъ рѣзко противорѣчащаго всему тому, чему анархизмъ училъ до сихъ поръ, слѣдуетъ избѣгать употребленія выраженій, могущихъ такъ или иначе задѣть личность товарищей; тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о такомъ заслуженномъ и всѣми нами глубоко уважаемомъ товарищѣ, какъ П. А. Кропоткинъ, личность котораго стоитъ внѣ всякихъ нападокъ.

Л. И—ва, Н. Оргеіани, Таратута, Рощинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Редакція „Раб. Зн.“ всецѣло присоединяется къ пожеланію, высказанному въ настоящемъ „Письмѣ“. Что же касается инцидента, возникшаго по поводу фразы т. Александра Ге, въ статьѣ его „Отвѣтъ волонтеру“, то этотъ инцидентъ давно ликвидированъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Около 50 человѣкъ товарищей, присутствовавшихъ на вечеринкѣ, устроенной группою „Вольная Воля“, выражаютъ свою радость и нравственное удовлетвореніе по поводу выхода „Рабочаго Знамени“.

Его позиція по отношенію къ войнѣ — также наша позиція, его борьба — наша борьба, которую нужно вести до полнаго торжества нашихъ анархо-коммунистическихъ идей.

Въ увѣренности, что „Рабочее Знамя“ съ честью выполнитъ свою задачу и смѣло и неуклонно будетъ отстаивать принятую имъ позицію, мы шлемъ ему нашъ сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія въ успѣхѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тт. Яшъ и Ф. А., Лондонъ. Очевидно много Вашихъ писемъ не доходитъ по назначенію. Статья т. К—са тоже не получилась, какъ равно не получилась и обѣщанная замѣтка о Перецѣ, ни продолженіе статей Рокера. Постарайтесь изыскать болѣе вѣрные способы для сношеній съ нами. Не попробуете-ли черезъ М., которому Вы послали газету? Его письма доходятъ.

Товарищамъ, подписавшимъ парижское „заявленіе“. Ваше „заявленіе“ не можетъ быть помѣщено ввиду того, что первая часть его вызываетъ нежелательный сейчасъ редакціонный отвѣтъ *по существу*. Кромѣ того авторъ инкриминируемой статьи проситъ, въ случаѣ напечатанія „заявленія“, дать мѣсто и его *мотивированному* отвѣтному заявленію. Ввиду этого Редакція, во избѣжаніе дальнѣйшихъ, очень нежелательныхъ и политически безсмысленныхъ инцидентовъ, рѣшила снять съ очереди весь вопросъ и закрыть страницы „Р. З.“ для всего того, что могло-бы подать поводъ къ подобнаго рода полемикѣ. Если Вы хотите, чтобы Ваше „заявленіе“ появилось въ „Р. З.“, то мы предлагаемъ Вамъ *снять* первый пунктъ его. Но предвидя, что Вы съ этимъ, можетъ быть, не согласитесь, а захотите напечатать его цѣликомъ въ какомъ-либо другомъ органѣ, мы возвращаемъ его Вамъ и также отсылаемъ Вамъ одновременно еще одно „заявленіе“ съ фронта арміи, аналогичнаго содержанія, для одновременнаго опубликованія, какъ объ этомъ просятъ его авторы.

При этомъ само собой понятно, что мы оставляемъ за собою право мотивированнаго отвѣта на „заявленіе“ въ той-же газетѣ, на страницахъ которой онъ, можетъ быть, появится.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ ЗА № 2 „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“

Приходъ.

Осталось въ кассѣ	21,45
Отъ Махновскаго, Невшатель	2,—
„ Лондонской группы „Вольная Воля“	88,20
„ Парижской группы „Воля Рабочаго“	35,—
„ Меера, за продажу № 1 въ Парижѣ	22,50
„ Б. Ду—каго (черезъ О., Цюрихъ)	7,—
„ Аси (Швейцарія)	61,60
„ Цюрихской группы „Рабочій Міръ“, продажа № 1 и подписной листъ № 1	17,—
„ Хромого, Бернъ	2,—
„ Рыскина, Шо-де-Фонъ	1,20
„ Женевской группы а. к.	25,—

Черезъ Меера въ Парижѣ по подписному листу № 7: Б. Д—скій 35,—; М. Миланскій 3,—; Идель Ш. 2,50; Исаакъ 1,—; Са—скій 1,—; Ш. Л. 1,—; Ф. Г. 0,50; Ко—ръ 0,50; Мо—ичъ 2,—; Эс—инъ 2,—; Ка—кій 10,—; Марксъ 3,—; Курляндчикъ 2,—; Воробьевъ 2,—; Гендлеръ 1,—; Максъ 2,—; Голубъ 1,—; Брайтманъ 1,—; Гринбаумъ 0,50; Шуфлеръ 0,50; Юристъ 1,—; Леонъ 0,50; Хц—нъ 2,—; Думскій 3,—; Хомежо 0,50; А. П. 1,—; М. Н. 5,—; Савва 3,—; Борисъ 2,—; Григорій 1,—; Жонтманъ 0,25; Блачинскій 0,25; Абрамъ 0,25; Коля 0,50; Цукерманъ 0,25; Беркманъ 0,25; Жакъ 0,25; Волжинскій 0,25; Этьенъ 0,25; Розенбергъ 0,25; Шая 0,50; Арбетманъ 0,25; Александръ 1,—; Павелъ 0,50; Лева 3,—; Максимъ 1,—; Жекнеръ 0,25, Піеръ 0,50; Шварцманъ 1,—; Николовъ 0,50; Сигалъ 0,50; Х. 1,—; Зиновьевъ 0,50; Михаилъ и Циля 2,—; Но—маркъ 1,—.

Всего	106,75
Итого	389,70

Расходъ:

Организаціонные расходы	39,65
Канцелярскіе расходы	7,60
Почтовые и телеграфные расходы	58,95
По счету типографіи за № 2	225,—
Итого	331,20
Остатокъ на № 3	58,50

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ
Лондонской группы А.-К. „Вольная Воля“
Отъ 16 марта по 30 апрѣля 1915 г.

Приходъ.	ф.	ш.	п.
Остатокъ къ 16 марта	2.	0.	2½
Выручка отъ продажи „Р. З.“	0.	9.	10
Членскіе взносы	1.	2.	0
Доходъ съ вечеринки	1.	17.	8
Итого	5.	9.	8½
Расходъ.			
Почтовые и другіе расходы	0.	6.	0
Расходы по вечеринкѣ	0.	10.	11½
Отправлено на изданіе № 2 „Рабочее Знамя“	3.	10.	0
Итого	4.	6.	11½
Осталось въ кассѣ къ 30 апрѣля	1.	2.	9

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ.

Въ цѣляхъ достиженія *регулярнаго* выпуска „Рабочаго Знамени“, Издательская Группа проситъ всѣхъ товарищей и организаціи, которымъ газета посылается, не задерживать вырученныхъ за ея продажу денегъ. При этомъ Издательская Группа проситъ на сопроводительномъ бланкѣ указывать, сколько денегъ выручено за продажу и сколько посылается для поддержки газеты по подписнымъ листамъ и т. д.

Кромѣ того Издательская Группа обращается къ товарищамъ съ просьбою немедленно вернуть оставшіеся у нихъ нераспространенными экземпляры №№ 1 и 2, такъ какъ на нихъ имѣется большое количество запросовъ, удовлетворить которые Группа не въ состояніи.

Адресъ для корреспонденціи и денежныхъ переводовъ:
Dr. Wintsch, 4, rue Dickens, Lausanne.
pour Rab. Znamia.

Editeur responsable Docteur Wintsch, rue Dickens, 4, Lausanne.

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois. Genève.